

Конан
и неудачник
из Аграпура

Annotation

В Аграпурской тюрьме Конан знакомится с Саламаром, человеком, которого преследует невезение. В это самое время день за днем сгорает какое-то здание. Конан считает это делом рук колдуна, преследующего неизвестные причины. И возможно следующим сгоревшим зданием может стать тюрьма...

•

Дуглас Брайан

Неудачник из Аграпура

В караван-сарае было душно. Куда ни повернись — везде кто-нибудь сопит. Люди спали вповалку, устроившись среди тюков с товаром. Снаружи шумно пыхтели и переступали с ноги на ногу сонные животные, кони и верблюды.

Саламар свернулся клубком, забившись в самый дальний, темный угол. Он от души надеялся на то, что никто его не заметит. Вряд ли, впрочем, найдется вор, который польстился бы на имущество Саламара.

Как и большинство ночующих в караван-сарае на окраине Аграпура, Саламар был из пришлых: уроженец Турана, он никогда подолгу не задерживался на одном месте, вечно перебираясь из города в город. В основном он бежал от неприятностей, которые ухитрялся сеять вокруг себя с невероятной быстротой и эффективностью.

Саламар не знал, почему так происходит. Где бы он ни появился, везде поднималась свара, заваривалась какая-нибудь каша, и в результате очень скоро оказывалось, что виноват во всем случившемся именно Саламар и никто иной. Такой уж у него был нрав — и такова была его несчастливая судьба.

Разумеется, Саламар никогда не являл собою образца добродетели. Он

и не пытался изображать из себя добропорядочного человека: каковы бы ни были его недостатки, неискренность в их число не входила.

Разумеется, нередко ему доводилось солгать, но одно дело — ложь ради выгоды, ложь, нацеленная на конкретный (и весомый!) результат, и совсем другое — обычная бытовая неискренность.

В общении с людьми, если только они не представляли собою объект сложных деловых операций Саламара, гирканец был исключительно милым и вполне искренним человеком.

Слабостей у него имелось ровно две: он любил блестящие предметы и не мог пройти равнодушно мимо красивой женщины. Покрывала, в которые закутывались красотки в Аграпуре и других городах, никогда не служили помехой проницательному взору Саламара. Он угадывал хорошенькое лицико по влажному блеску глаз сквозь покрывало, по особенной походке, какая присуща только уверенной в своей привлекательности красавице.

Из-за женщин он попадал в особенно неприятные истории. Гонимый плачевным роком, Саламар бежал все дальше на восток и в конце концов очутился в Аграпуре. Сейчас он являл собой довольно грустное зрелище: тощий оборванец со смуглым, дочерна загорелым лицом и сальными, свалившимися волосами. Все его имущество заключалось в маленьком узелке, завязанном в чумазую тряпичку.

У Саламара не оставалось денег даже на то, чтобы заплатить за ночлег в караван-сарае, однако спать под открытым воздухом ему не хотелось: стражники в Аграпуре запросто могли срапать бездомного бродягу и поинтересоваться содержимым его узелка. Стражники — известные негодяи. В поисках наживы они не побрезгуют даже нищим, каким бы грязным и несчастным тот ни был.

Поэтому Саламар очень удачно прикинулся одним из слуг богатого караванщика. Тот, изрядно осоловевший от дурманящего зелья, которое курил в дороге (зелье было на самом деле довольно слабым, но на жаре, да еще в таких количествах, неплохо ударяло в голову), даже не обратил внимания на то, что заплатил за лишнего человека. По правде говоря, за такое пузо, да еще обмотанное красным шелковым поясом в десяток слоев, могло бы спрятаться не менее пяти Саламаров.

«Повезло». Впервые за полгода это слово появилось в мыслях Саламара. И с тем он заснул.

Но, видимо, судьба не дремала: она быстро отыскала своего «избранника» и принялась за обычную черную работу — устроила скандал.

Среди тех, кто ночевал в караван-сарае, имелись люди нечистые на руку. Но на сей раз они выбрали совершенно неподходящую жертву и вздумали обокрасть добродушного толстяка, напрочь, видимо, позабыв о том, что у подобных богатеев всегда имеется отменная охрана. Если бы кто-нибудь поинтересовался мнением Саламара, гирканец бы ответил: все люди четко делятся на три категории — на тех, кого следует обкрадывать, на тех, кого можно только обманывать и обводить вокруг пальца, но ни в коем случае не обворовывать, и на тех, кто подлежит только грабежу, твердолобые и недоверчивые упрямцы. С последней категорией Саламар старался не связываться

Так вот, купец, не заметивший, как заплатил за очлег Саламара, однозначно принадлежал к числу людей, которым морочить голову — одно удовольствие. Он был из тех, кто становился на сторону обманщика против добрых советчиков — и признавал собственные ошибки лишь спустя пару лет после их совершения. Забираться к нему в туки, чтобы спереть оттуда штуку-другую шелка, было верхом глупости. Охрана, которой наверняка платили за сохранность каждой нитки в поклаже, была начеку. В середине ночи поднялся шум. Кого-то схватили и начали бить, из рук незадачливых воров вырвали кусок шелковой ткани, но во время драки он упал на землю, и его, не заметив, истоптали ногами.

Когда до стражников дошло, что ущерб хозяйскому добру, несмотря на все усилия, был нанесен, и немалый, они впали в отчаяние. Теперь он наверняка заплатит им меньше. В конце концов, они сами были виноваты в неосторожности!

Купец, разбуженный, как и все, криками и шумом потасовки, громко охал и умолял, чтобы зажгли свет.

Саламар притаился в углу, молясь всем богам сразу, чтобы его не заметили. Но ему опять не повезло. Купец поднялся с кряхтением и принял бродить среди дерущихся в поисках факелов или лампы, чтобы запалить. И наступил на Саламара.

— Он здесь! — завопил вдруг купец не своим голосом. — Хватайте его!

И навалился всей тушей на бедного гирканца.

Саламар, полузадохнувшись, понял, что погиб: по каким-то своим, непонятным соображениям купец принял его за вора и теперь пытается задержать. Скоро на голову гирканца посыпались колотушки, в темноте его били и тузили и в конце концов связали.

Настоящие воры тем временем благополучно улизнули. Связанный, скорчившийся на полу, Саламар сделал грандиозное усилие и ухитрился

засунуть свое имущество за щеку. Имущество это, спрятанное в узелке, представляло собой небольшую костяную палочку, покрытую письменами, вырезанными в кости весьма искусно. Саламар берег ее пуще собственного здоровья.

Спрятанная за щекой, она оставалась незаметной, и у Саламара имелась слабая надежда на то, что стражники, которые явятся утром, дабы осмотреть товары, собрать пошлину и впустить торговцев и путешественников в главные ворота Аграпура, не заметят, что узник прячет во рту некий предмет.

«Лишил бы не проглотить, — думал Саламар отчаянно. — Когда, бывают, нужно дышать по-особому, не втягивать воздух... Лишил бы не проглотить!»

Стражники возникли в караван-сарае сразу после восхода солнца. На их физиономии было смотреть, такие они были сытые, лоснящиеся, начальственно-недовольные тем обстоятельством, что пришлось подниматься рано поутру, тащиться к какому-то караван-сараю, копаться там в чужих вещах (попутно прикарманивая разные мелочи), собирать плату за вход в город (попутно складывая кое-что себе в кошель, за пояс)... Ах, ну почему их разбудили ни свет ни заря? Ах, ну почему у них такая трудная жизнь? И, главное, кто бы утешил их в страданиях?

Купцы были готовы утешать стражников, лишь бы те не слишком портили товар при осмотре. Путешественники, которым терять было нечего, оказались куда менее любезными, и потому стражники с них брали плату с особо брюзгливыми лицами.

Наконец дошел черед до Саламара.

— А это что такое? — осведомился начальник стражи.

— Это, изволите ли видеть, вор, — объяснил ему один из охранников из купеческого каравана. Этот человек, «украшенный» синяками на лице после ночной потасовки, готов был свалить вину на кого угодно, лишь бы обелить себя в хозяйских глазах.

— Вор? — начальник стражи хищно раздул ноздри, точно падальщик, чующий скорую поживу. — И что же он украл?

— Он со своими сообщниками забрался в тюки нашего хозяина, — заговорил другой охранник, также изрядно помятый. — Сам-то остался, а тот, другой, сбежал. И вещи унес.

— Я потерпел страшный ущерб, — плаксиво проговорил купец.

«Такого обманывать надо было, — с тоской думал Саламар. Попадись ему тот болван, что не имеет ни малейшего понятия о различиях между жертвами жуликов, казалось бы, порвал бы его Саламар голыми руками, так он был зол на проклятого дилетанта! — Обманывать, а не

обворовывать! Проклятье Сета на голову мерзавца! И мне, конечно, отдуваться за всех... Такова судьба».

Саламара подняли на ноги и явили пред очи начальника стражи.

Саламар зажмурился: он сразу понял, что в Аграпуре пощады ему не будет. Вероятно, Аграпур станет последним пунктом на долгом, запутанном жизненном пути бедного Саламара.

— Итак, вор, ты попался, — медленно, с расстановкой произнес начальник стражи.

— Я не вор, господин, — сказал гирканец.

Начальник стражи взмахнул длинными, как у женщины, ресницами. Чувственный рот его искривился в нехорошой усмешке.

— Хочешь заверить меня в том, что никогда в жизни не брал чужого?

— Может быть, когда-нибудь я и брал чужое, — ответил Саламар, — но не в этот раз.

— Стало быть, ты признаешь себя вором?

— Нет! — завопил Саламар.

Начальник стражи обернулся к своим людям и поманил к себе пальцем одного из стражников.

— Отведешь его в подземную тюрьму. Завтра ему отрубят правую руку.

— Нет! — крикнул Саламар еще громче. Он извивался в руках стражника, умоляя выпустить его, простить, понять, поверить... Все было тщетно: крепкие руки хорошо откормленного, мощного стража держали его, точно железные оковы.

Саламар сдался. Он обвис, свесил голову на грудь, всхлипнул... и при последнем вздохе случайно проглотил свою костяную палочку.

* * *

Подземная тюрьма в Аграпуре обладала только одним достоинством: она не была сырой. Вода в Аграпуре вообще являлась ценностью, и власти сего достойного города не стали бы расходовать ее на каких-то презренных преступников.

Таковых в тюрьме томилось трое: кроме самого Саламара, имелись еще старишок-долгожитель, чье имя запамятали даже он сам, и какой-то Громила, похожий на крупную обезьяну, как представилось в полумраке Саламару.

Громила был крайне угрюм — неудивительно, в таком-то положении! Он был огромного роста, с длинными черными волосами и яркими

глазами, сверкающими даже в темноте подземной тюрьмы.

Саламар сразу забился в угол, как делал это всегда. Впрочем — и это тоже случалось неизменно, как дождь, — подобный способ таиться никогда еще не спасал его от неприятностей.

В середине дня им принесли еду. Люк, которым закрывалась тюрьма, отодвинули, и сверху на веревке спустили горшок с отвратительным, судя по запаху, варевом. Громила бросился к горшку первым, схватил обеими ручищами, поднес к разинутой пасти, глотнул... и с проклятием отшвырнулся от себя.

— Я лучше сдохну с голоду, чем стану есть тухлятину! — заорал он вне себя от гнева.

Саламар осторожно проговорил из угла:

— Если ты отказываешься, то позволь мне...

Громила махнул рукой и отошел.

Саламар со старичком по очереди слопали содержимое горшка. Еда действительно была омерзительной на вкус, но — не хуже, чем случалось есть Саламару.

Когда наконец с трапезой было покончено, Саламар решил познакомиться с товарищами по несчастью. Он заговорил, ни к кому в особенности не обращаясь:

— Меня зовут Саламар, я из Гиркании.

Ему не ответили.

Саламар добавил, надеясь хотя бы этим вызвать сокамерников на откровенность:

— Мне отрубят руку за воровство.

— Ну и глупец! — отрезал громила.

— Прошу меня простить, — сказал Саламар, — но ты сидишь в тюрьме, точно так же, как и я, стало быть, не слишком ты от меня отличаешься...

— Я от тебя отличаюсь, — заявил громила. — Во-первых, меня схватили за убийство.

— А... — сказал Саламар.

— Скажи, — громила придинулся ближе, — а ты действительно совершил ту кражу, за которую теперь станешь калекой?

— Нет, — вздохнул Саламар. — И это — самое обидное.

— Я так и подумал, — заметил громила.

— Назови свое имя, — попросил Саламар.

— Зачем?

— Чтобы легче было разговаривать. Я буду пользоваться твоим

именем, когда стану обращаться к тебе.

— Не думаю, чтобы тебе стоило обращаться ко мне, — сказал громила. — Впрочем, меня зовут Конан. И я, в отличие от тебя, совершил то, за что был схвачен.

— Ты превосходишь меня во всех отношениях, — льстиво поддакнул Саламар.

Но с Конаном это не прошло. Варвар фыркнул с презрением:

— Не вздумай льстить! Учи, я и сам вор, по этому вижу таких, как ты, насквозь. Мне сильно не повезло, коль скоро ты очутился рядом со мной. Ведь ты неудачник, верно?

— Верно, — вздохнул Саламар.

— Расскажи, как это вышло, — потребовал Конан. — Как ты стал неудачником?

— Это случилось лет пять назад, — начал Саламар послушно. — Я жил тогда в Гиркании, с отцом и матерью. Сейчас оба они, наверное, умерли...

— Полагаю, твои родители к делу отношения не имеют? — перебил Конан.

Саламар кивнул.

— Не имеют. Я просто так о них упомянул, для полноты картины.

— Не пытайся меня разжалобить, — предупредил Конан, — Общаешься со мной, всегда помни о том, что у меня каменное сердце.

— Ладно, буду помнить, — обещал Саламар. И снова погрузился в воспоминания: — Мы жили небогато, но лишений не испытывали. Но я всегда хотел чего-то большего... И однажды — должно быть, какой-то злокозненный божок внущил мне эту мысль или демон пробегал мимо и от скуки решил поразвлечься на мой счет, — в общем, я решил обогатиться.

Для начала я отправился в таверну, которая располагалась на окраине городка, где мы жили, и пользовалась весьма недоброй славой. Там я нашел самого подозрительного на вид человека — можешь мне поверить, он выглядел как настоящий злодей!

— Воображаю, — с огромным презрением произнес Конан. — И имя у него было пышнее, чем хвост павлина, что гадит во дворце аграпурского владыки, не так ли?

— Я вижу, ты знаешь жизнь, — признал Саламар. — Да, того человека звали Погибельный Брек, и вот он-то предложил мне попробовать себя в деле.

«Хочешь изменить свою судьбу?» — спросил меня Погибельный Брек, щурясь (а глаза у него, поверть, были пронзительными, так что у меня даже

мурашки по коже побежали).

Я сказал, что это именно так.

«Есть одно дело, и я за него браться боюсь, — сообщил Погибельный Брек. — У одной здешней женщины по имени Магринта имеется замечательная вещь. Думаю, Магринте привезли ее из Кхитая.

Во всяком случае, штука эта древняя и совершенно непонятная, но она обладает способностью изменять судьбу своего владельца. И избавиться от нее невозможно... Магринта дорожит ею — думается мне, не напрасно».

Кое-что я об этой Магринте слыхал. В свое время это была уличная женщина, не слишком красивая и совсем не богатая. Кто и когда слыхал о богатых уличных женщинах?

— Да, ты и впрямь совершенно не знаешь жизни, — усмехнулся Конан.

Саламар на сей раз не стал поддакивать или соглашаться, а просто махнул рукой.

— Неважно... Магринта торговала собой и была очень бедна. Она даже, поговаривают, хворала, поэтому клиентов у нее было мало. Соглашались пойти с нею только те, кто не слыхал ничего об этой женщине. Да и те платили скучно. Словом, совсем она подыхала с голоду.

И вдруг все в ее судьбе резко переменилось. Никто даже не понял, как такое могло бы произойти. Она ушла с улиц, купила себе дом — не в центре города, конечно, но вполне приличный. Наняла прислугу — из числа бывших потаскунов. Стала носить хорошую одежду. Разумеется, никаких мужчин в ее жизни не стало. Она показывалась теперь на улице только в портшезе и, можешь мне поверить, я собственными глазами видел, как эти носилки с шелковыми занавесками тащили четверо здоровенных чернокожих носильщика!

Разумеется, поползли слухи. Когда Магринта пропадала, никто и пальцем не шевельнул, чтобы ей помочь. Но стоило ей сделаться богатой, как набежали какие-то «поклонники», и каждый пытался вызнать: каким именно способом она обрела свое богатство.

Магринта помалкивала. Благоразумное решение! Но разве можно заткнуть рот служанкам, да еще таким болтушкам, какие обслуживали Магринту? Одна из них рассказала своему любовнику, что у ее госпожи хранится в ларце странная вещица, и что этой-то вещицей Магринта, дорожит больше всего.

Что такое? Что за вещица? За несколько дней известие обошло весь город, об «амуLETE Магринты» только и было разговоров на рынке и в богатых домах. Моя мать тоже заинтересовалась сплетней, но мой отец,

мудрый человек, велел ей держать язык за зубами: мало ли что скажут люди — будем заботиться о своем, а до чужого нам и дела нет!

Но Погибельный Брек рассказал мне то, о чем в городе даже и не подозревали.

Как-то раз (сказал Погибельный Брек) у Магринты был странный клиент. Это был старый кхитаец, который ехал куда-то в Британию, не то в гости к друзьям — хотя какие могут быть в Британии друзья у старого кхитайца! — не то на службу в качестве мага (последнее представляется более вероятным).

Он сказал, что ему необходимо общество женщины. «Люди Запада не понимают всей ценности, которой обладает общество женщины, — приблизительно так болтал старый кхитаец, — они умеют лишь потреблять женские ласки и другие услуги, на какие горазды женщины. Что до изменений, которые происходят в вибрациях мира, когда рядом находится женщина, — об этом люди Запада и не подозревают. А я нуждаюсь в том, чтобы меня питали женские энергии. Во мне слишком много мужского...»

Из этих мудрых речей наша Магринта, разумеется, ничего не поняла. Она просто спросила сиплым голосом, сколько заплатит ей чудаковатый иноземец за «женские вибрации». (Одним богам известно, о чем подумала Магринта, услыхав столь диковинное определение для услуг уличной проститутки!)

Старый кхитаец сказал ей, что постарается изменить всю ее судьбу. Он пошел в дом к Магринте, в эту жалкую лачугу, и долго рассматривал убогие стены, и крышу, застланную гнилой соломой, и рваные циновки на земляном полу. Наконец он сказал с улыбкой, значение которой Магринта до поры не поняла: «Думаю, если твоя жизнь и может измениться, то только к лучшему, потому что хуже быть не может».

Магринта оборвала его мудреные речи и спросила, каких именно ласк желает клиент. Старик попросил ее просто посидеть рядом и поговорить — «Можешь болтать, о чем захочешь, мне важно слышать звук женского голоса».

Пожав плечами, наша честная проститутка исполнила пожелание. И кхитаец подарил ей на прощание маленькую костяную палочку с вырезанными на ней значками. Попросил беречь.

И ушел.

Больше его в нашем городе не видели.

Через несколько дней в город прибыла пожилая женщина, которая сообщила, что Магринта приходится ей внучатой племянницей и что наша

«дорогая девочка» — ее единственная родственница и наследница.

Еще через месяц почтенная старуха скончалась... Остальное тебе уже известно. Магринта сказочно разбогатела.

— Не вижу ничего особенного, — заявил Конан, пожимая широкими плечами. — При чем тут кхитаец? При чем тут костяная палочка? Какие-то бредни!

— Странность заключается в том, что эта старуха никогда прежде не давала о себе знать, но стоило кхитайцу побывать у Магринты, как она тут же объявила, — пояснил Саламар. — Впрочем, я ведь не утверждаю, что именно так все оно и было. Мне говорил об этом Погибельный Брек.

Конана передернуло.

— Прошу тебя об одном, — сказал киммериец. — Причем прошу ради тебя самого! Не называй больше этого болтуна «Погибельным Бреком». Зови его просто «Бреком», иначе я переломаю тебе все кости. Меня выводят из себя столь пышное имя! Он ведь оказался дураком, этот Брек, не так ли?

— Ну, этот вывод имеет отношение к концу моей истории, — сказал Саламар. — Но в общем и целом ты прав. И я это уже признавал несколько раз, так что не перебивай меня...

Итак, перемены в судьбе Магринты привели к тому, что она стала богатой и уважаемой дамой. И многие захотели завладеть ее сокровищем. Однако дом женщины охранялся, на всех окнах имелись решетки, двери запирались; шкатулка с костяной палочкой стояла в спальне госпожи...

Брек предложил мне пробраться к Магринте и совершить самую дерзкую кражу, какая только возможна в наши дни.

— Тоже мне, дерзкая кража! — с невыразимым презрением фыркнул варвар. — Вот когда мы с подругой обокрали святилище Сета — вот это, доложу тебе, была дерзкая кража! А проникнуть в дом к женщине, да еще к бывшей проститутке, и стянуть у нее шкатулку... Ф-фу! Даже слушать противно.

— Противно — не слушай, — надулся Саламар. — Я ведь не заставляю.

Некоторое время они молчали, но Конан не выдержал первым: он сидел в тюрьме довольно долго и успел соскучиться по разговорам.

Он подтолкнул Саламара локтем:

— Ладно, рассказывай дальше.

Обидчивость не входила в число недостатков Саламара; гирканец быстро отходил, даже если ему и случалось надуться на собеседника после какого-нибудь не слишком удачного высказывания.

Он вздохнул.

— Только не перебивай меня больше, я и без тебя собыюсь с мысли...

Конан сделал гримасу, весьма выразительную, но от каких-либо комментариев воздержался.

И Саламар потянул нить своего повествования дальше:

— Я знал, что Магринта весьма недоверчива и особенно не любит она мужчин. Что ж, не удивительно, ведь бедняжка здорово настрадалась от нашего брата! Но я придумал замечательный способ втереться к ней в доверие. Я представился ей мальчиком, которого мужчины использовали... сам догадываешься как.

Конан насупился.

— Не догадываюсь.

— Да брось! — Саламар покосился на киммерийца. — Не заставляй меня произносить это вслух.

— Ладно, — смилился Конан. — Я догадался, что ты ей наврал. Неужто она поверила?

— У меня был ужасно жалобный вид. — Саламар скроил жалобную рожицу. — Вот такой. Я познакомился с нею в саду, где она гуляла, сопровождаемая немым чернокожим слугой. Собственно, многого и не требовалось: я поднял с земли красивую пряжку и спросил у дамы, не она ли обронила. Та сказала — нет, а после похвалила мою честность. Я сказал, что поневоле приходится быть честным, поскольку мои клиенты могут жестоко избить по малейшему же подозрению в обмане. Она глянула на меня с сочувствием... Дальнейшее понятно. Я стал ее другом. Или, если выражаться точнее, — «подругой». Я рассказывал ей различные подробности об удовлетворении мужской похоти.

— Откуда ты их черпал? — осведомился Конан. Он отодвинулся от своего собеседника подальше и всем своим видом демонстрировал презрительность.

— Не из личного опыта, можешь мне поверить, — вздохнул Саламар. — Если я и заслуживаю твоего презрения, то лишь по той причине, что обокрал женщину, почувствовавшую ко мне доверие. Я никогда не занимался тем, что приписывал себе. Но Погиб... э-э... я хотел сказать — Брек... М-да, этот негодяй, узнав о моем замысле, пришел в восторг и тотчас познакомил меня с «нужным парнем». Тот и поведал мне некоторые подробности, весьма гнусные, касающиеся его ремесла. Я пользовался сведениями, полученными от него. Я даже изучил жаргон, которым разговаривают проститутки. Знаешь, например, как они называют некоторых самых известных шлюх?

— Распахнутая Пещера, Готова-на-Все, Мамаша Бурдюк и Железная Лошадь, — предположил Конан. Судя по виду, с которым киммериец произносил все эти имена, ему доводилось иметь дело с их носительницами.

Саламар покачал головой.

— Ты называешь шлюх, известных безотказность и добросовестным отношением к делу, женщин популярных, но не легендарных.

— Существует, по-твоему, разница между легендарностью и популярностью? — поинтересовался Конан.

Саламар пожал плечами.

— Большинство людей полагает, что таковая разница действительно имеет место. И, поскольку я не претендую на оригинальность, то к этому большинству отношу и себя.

— А, — неопределенно бросил киммериец.

Саламар решил пропустить последнее замечание мимо ушей как явно бессвязное.

— Так вот, легендарные проститутки имеют титул «мать», как верховная жрица: «Мать Вилария», «Мать Анеза»... Все они выбились, что называется, в люди. Накопили денег и сделались богаты, отошли от дел и теперь иногда покровительствуют попавшим в беду подругам. То есть, выглядит это так: живет себе в городе Аренджуне (я говорю — к примеру) некая почтенная вдова. И никто из жителей славного Аренджуна не подозревает, что на самом деле она вовсе не почтенная вдова, а бывшая шлюха, легендарная мать Анеза. Это тайна, понимаешь?

Конан кивнул.

— И вот происходит какая-нибудь история, и некая шлюха попадает в беду. К примеру, ее обвиняют в краже, которой та не совершала. Бедняжка уже сидит в тюрьме, ожидая, когда меч палача совершил над ней нечто ужасное... Внезапно является женщина, почтенная вдова, закутанная в покрывало и благонравная до безобразия. Она дает деньги сторожам, она нанимает охрану, она уговаривает свидетелей — и обвиняемую оправдывают. Та, вне себя от счастья, прибегает к благодетельнице. И слышит: «Я была такой же, как ты; а теперь, дитя мое, забудь обо всем, что я для тебя сделала и никогда не вспоминай о нашей встрече». И дает ей денег...

Вот о таких женщинах я и рассказывал моей новой приятельнице. Я знал целую кучу историй о них. Она слушала жадно и в конце концов призналась: «Столько я страдала, столько было у меня невзгод, и никогда, ни разу не появилась в моей жизни какая-нибудь легендарная «мать»...

Никто мне не помогал».

Неблагодарное созданье! Она совершенно забыла о кхитайце, который наделил ее чудесным предметом...

В конце концов, благодаря моим уловкам и ухищрениям, я стал вхож в ее дом. Мне только того и было надо. В один прекрасный день я забрался в ее спальню и выкрад резную штуковину. Она даже не заметила пропажи, поскольку редко заглядывала в шкатулку, где хранила подарок кхитайца.

И с того самого часа судьба моя полностью переменилась...

Саламар горестно свесил голову. Конан глядел на рассказчика с нескрываемой насмешкой:

— Как говорил тот кхитаец? Эта штучка способна полностью изменить участь человека?

— Да.

— Неужели ты не понял, что тут скрыт подвох?

— Увы! Я почему-то воображал, будто перемены могут быть только к лучшему.

— Как такое могло прийти тебе в голову? — воскликнул Конан. — Неужто ты первый год живешь на свете? Пора бы уж признать, что перемены в человеческой участи, как правило, бывают только к худшему. — Киммериец скривился. — Да я и сам бывал, случалось, вестником дурных перемен. Впрочем, — добавил он, явно желая быть справедливым, — случалось и обратное... Но крайне редко!

— Вот-вот. Мне следовало бы понимать это. Но меня заворожила удача Магринты. Почему-то мне думалось, что и я получу какое-нибудь неожиданное наследство или там удачно женюсь на богатой наследнице... что-то в таком роде.

— Любой магический предмет, — сказал Конан, — представляет собой ловушку. Более или менее. Он содержит в себе загадку, не разгадав которую не следует лезть в историю. Колдовство вообще коварно! Ненавижу колдунов... истребляю их везде, где только встречаю. Впрочем, это моя история, не твоя.

— Ты прав, — кивнул Саламар. — Я получил вожделенный предмет и стал ждать, когда ко мне повалит удача. Глупец! Я жил с отцом и матерью, у нас был не слишком богатый, но все же состоятельный дом. Мы даже содержали слуг. Отец владел гончарной мастерской. Не сам делал горшки, но владел мастерской. Надеюсь, ты понял, в чем разница.

Конан кивнул.

— Не считай меня невеждой только потому, что я родился в Киммерии.

— Ну, я так, на всякий случай объясняю, — оправдываясь, сказал Саламар. — В общем, у нас все шло очень недурно. А я зачем-то захотел большего! Ну, и поплатился. Для начала я не пожелал отдать украденное Бреку. В один прекрасный день — или, если быть совершенно точным, в одну ужасную ночь, — он подстерег меня и жестоко избил. Я не внял предостережению. Глупец! Тысячу раз глупец! Если бы я отдал артефакт Бреку, тот давно бы уже гнил на дне какого-нибудь канала.

Я удрал из города в тот же день. И начались мои невзгоды. Беда шла за мной по пятам. Я пытался расстаться с талисманом, который принес мне столько бед, но увы! Он всегда возвращался. Его подбирали на дороге и вручали мне со словами: «Ты обронил какую-то драгоценную вещь, мой господин¹» — после чего немедленно требовали денег в уплату своей неоценимой услуги. Его находили в комнатах, где я ночевал, и догоняли меня уже в дороге. И снова просили денег за свою любезность. Где бы я ни показался, везде возникали свары и неприятности. Судьба гонит меня...

— Из всего услышанного я делаю только один вывод, — сказал Конан. — Нам следует избавиться от тебя как можно скорее, покуда неприятности не начались и в нашей тихой, достойной во всех отношениях тюрьме.

Внезапно заговорил старик, который все это время сидел безмолвно — так что собеседники в конце концов попросту позабыли о нем.

— Возможно, магический талисман довел нашего товарища до самого дна человеческого бытия, и теперь ему остался только один путь — наверх, к процветанию...

Скрипучий голос прозвучал в наступившей тишине так неожиданно, что оба молодых человека вздрогнули. Конан повернулся к старику.

— Хорошо бы ты оказался прав. Однако в любом случае мне не по душе этот малый, который не погнушался обокрасть бедную шлюху.

— Я с тех пор обокрал очень и очень многих, — вставил Саламар, — поскольку честных способов заработать себе на жизнь так и не открыл.

При последних словах киммериец откровенно содрогнулся.

— Кто говорит о честных способах? Самым честным способом, каким я зарабатывал на жизнь, были гладиаторские бои...

Старик пожевал губами и промолчал.

* * *

Саламар не ошибался, когда с тоской думал о будущем: неприятности

посыпались на Аграпур сразу же после того, как в городе появился злополучный гирканец. В тот день в городе начались пожары. То ли от того, что давно не выпадало дождей, то ли по какой-либо иной причине, но неподалеку от дворца правителя вспыхнуло сразу несколько богатых домов, а ближе к окраине сгорел караван-сарай и пропало много товаров.

Городская стража сбилась с ног, разыскивая возможных поджигателей, виновных в столь ужасном бедствии. Повсюду только и говорили о случившемся, так что к середине дня об этом знали даже заключенные.

Старик грустно шамкал и все помалкивал, Саламар качал головой и рвал на себе волосы — с каждым разом несчастья, приносимые им окружающим, становились все ужасней! — а Конан вдруг сделался чрезвычайно задумчивым.

— Что с тобой? — спросил Саламар у варвара. — Никогда не видел тебя таким. Ты как будто размышляешь о каких-то отвлеченных предметах!

— Во-первых, ты не так уж долго меня знаешь, и я не все свои гримасы тебе еще продемонстрировал, — сообщил Конан крайне нелюбезным тоном. — Во-вторых, дружище, если я варвар, как любите выражаться вы, цивилизованные люди, то это еще не значит, что мне не свойственно задумываться. Я даже знаю, что означает слово «философия». Понял?

Саламар кивнул. Он побоялся признаваться в том, что ему самому это слово совершенно не известно. Поэтому Саламар просто спросил:

— И о чем ты думаешь, Конан?

— О том, что горит неспроста.

— Конечно, неспроста! — взорвался Саламар. — Я же тебе уже говорил: я повсюду ношу с собой беды, подобно тому, как вшивый таскает в голове вшей и везде их рассеивает...

Конан машинально почесался, после чего уселся поудобнее и сказал:

— Нет, Саламар, сдается мне, на сей раз все обстоит немного иначе. В городе действует какая-то дурная сила. Возможно, магия.

— Я ведь говорил тебе, что магический предмет, который я украл... — начал Саламар.

Конан гневно перебил его:

— Замолчи! Надоел! Сколько можно — твердишь одно и то же, как будто кроме твоей дурацкой штуковины нет на свете ничего интересного!

— Для меня, может быть, и нет, — сказал Саламар обиженно.

— Ну а для меня это обстоит иначе, — отрезал Конан. — Кстати, ты так и не объяснил, куда ты ее дел, эту вещь.

— Она... со мной, — сказал Саламар.

— Где?

Саламар скосил глаза. Конан почти сразу догадался, в чем дело, и едва не взывал:

— Только не это!

— Увы! — Саламар развел руками. — Я проглотил ее.

— И?.. — спросил Конан.

— И пока никаких изменений. Она во мне.

— Ладно, оставим это, — решил киммериец. — Пожары в Аграпуре

— ве́шь куда более серьезная. Почему-то мне кажется, что в городе действуют магические силы. Какие подробности случившегося нам известны?

Они начали перебирать те скучные сведения, что выудили из разговоров стражи. Затем Конан сказал:

— Пора бы нам выбраться отсюда. Сидя в тюрьме, многого не выяснишь.

— По-твоему, раньше у нас не было причин покидать стены темницы? — возмутился Саламар.

— Раньше тоже были, но судьба не станет помогать тебе, если только ты не в отчаянном положении, — сказал Конан.

На самом деле он предполагал воспользоваться сумятицей, которую вызвали в городе пожары и скрыться в толпе, охваченной беспокойством; но зачем сообщать Саламару столь очевидное? Если гирканец не глуп, то сам догадается, а если дурак — что ж, Конан — отнюдь не Великий Учитель (как кое-кто из его знакомых), чтобы заниматься воспитанием взрослого мужчины.

Конан не ошибся: к вечеру тревога в городе достигла апогея. Загорелось еще несколько зданий и в том числе здание Правосудия, в подвалах которого и размещалась тюрьма.

Стражники носились повсюду с водой в кожаных кожухах и с песком в бочках, но их сил не хватало для того, чтобы побороть огненную стихию. Узники понимали: никто из стражи не станет рисковать, чтобы спасти жизнь заключенным, поэтому выбираться придется самим.

Конан от души веселился: он явно считал, что настал его час.

Он велел Саламару встать под люком, ловко забрался своему товарищу на плечи и принял вышибать люк в потолке ударами могучего кулака. Саламар стонал и приседал под тяжестью его тела. Хоть Конан и был бос, но, ощущая у себя на плечах его пятки, гирканец почему-то думал о сапогах с медными подковами на подошвах, такими жесткими оказались ступни варвара. «Должно быть, он ходит босиком по камням и раскаленному

песку и ничего не чувствует», — думал Саламар, скрипя зубами.

Наконец люк отлетел в сторону, и сразу же в подземелье ворвался язык оранжевого пламени. Стало еще жарче. Конан схватился руками за край отверстия, высунулся наружу и закричал: — Там все пылает!. Надо бежать! Он уселся на краю, свесился вниз и подхватил Саламара за поднятые руки. Старик в ответ на приглашающий взгляд Конана только безмолвно покачал головой.

— Ты сгоришь, — сказал ему Конан. — Я помогу тебе, давай — выбирайся.

Но тот оставался на месте.

— Может быть, я и не сгорю, — отозвался старик, — но в любом случае у меня не хватит сил, чтобы выбраться. Уходите вы. У вас вся жизнь впереди.

— Ну, как хочешь, — Конан не стал его уговаривать. Времени на долгие уверещания у киммерийца попросту не было. — Все равно, напрасно ты отказываешься, — добавил Конан напоследок. — Я бы тебе помог.

— Благодарю покорно, но лучше я умру в покое, чем погибну в пламени, — ответил старик. — Закройте люк, пожалуйста.

Молодые люди так и поступили.

Конан встал, Саламар последовал его примеру. Часть бывшей кордегардии, где они очутились, выбравшись из камеры, была охвачена огнем. Горели деревянные древки копий и алебард, пламя жадно лизало кожаный занавес, отгораживающий одно помещение от другого.

— Бежим туда, — показал Конан.

Саламар замешкался.

— Но там горит, — сказал он.

— Зато там выход, — возразил киммериец. — Если ты забьешься в дальний угол, то пламя в конце концов доберется до тебя и сожрет со всеми твоими трусливыми кишками. И той драгоценной штукой, которую ты спрятал в желудке... Так что закрой лицо и беги за мной. Только не останавливайся и постараися не потеряться.

И они побежали.

Саламар потом не мог понять, каким образом им удалось выскочить из здания, где вовсю бушевал пожар. Иногда гирканцу чудилось, будто огонь расступается перед Конаном, подобно тому, как раздается толпа, когда сквозь нее проходит какой-нибудь аристократ или даже сам король. Или киммериец знал заклятие. Или еще что-нибудь в том же роде.

Они очутились на улице и остановились в стороне, переводя дух.

Потом Саламар, задыхаясь, сказал;

— Сейчас они нас увидят. Давай хотя бы за вернем за угол.

— Глупости! — рассердился Конан. — Вся эта свора так перепугана, что никому и в голову не придет обращать на нас внимание...

И в тот же миг, как по заказу, послышалось:

— Преступники сбежали! Хватай их!

Ни слова больше не сказав, Конан схватил своего спутника за руку и потащил прочь. Они помчались, обгоняя ветер и запах гари, — во всяком случае, так казалось Саламару. Конан несколько раз нырял во дворы, откуда быстро находил второй выход, — видимо, прежде чем попасться в руки стражи, киммериец провел в Аграпуре немало увлекательных дней и успел изучить здесь все лазейки, — а затем вместе со своим спутником скрылся в маленькой темной таверне.

Народу там не было, хозяина — тоже: все умчались на пожар, помочь при тушении, а заодно и поглядеть, нет ли возможности поживиться. Во времена таких бедствий мародеров всегда хватает, и даже у самого добропорядочного горожанина появляется характерный цепкий взгляд, ползающий среди разбросанных на пепелище вещей.

— Пересидим, — предложил Конан.

Саламар без сил упал на скамью. Конан по-хозяйски направился к стойке. И тут из-за стойки послышался хриплый голос:

— Эй, ты наглец, как я погляжу!

— Кто здесь? — Конан перегнулся через стойку. Затем он пошарил там руками и вдруг вытащил наверх кого-то упирающегося и возмущенно вопящего.

На стойке очутился бородатый карлик со всклокоченными серыми волосами, выпученными темными глазами и огромным горбатым носом. Он таращился на киммерийца и негодующе орал:

— Нахал! Я тебя отправлю! Я тебе иголок в вино подсыплю! Я тебе змею в матрас запущу!

— Кром! — смеясь, воскликнул киммериец. — Как ты шумишь, Тульпис! Разве не ты сдал меня властям, когда случилась неприятность?

— Ты называешь это неприятностью? — Карлик затряс бородой и застучал кулаком по деревянной крышке стойки. — Неприятность! — Он задрал голову к потолку и воззвал к низкой закопченной балке: — Взгляните, о боги, на этого киммерийского варвара! Взгляните на его подлость и коварство! Как он себя ведет с теми, кто слабее? Что он себе позволяет, когда видит, что ты мал и не в силах дать ему должный отпор? А? — Карлик гневно уставился прямо в лицо забавляющегося варвара. —

Неприятность... Ну да, конечно. Сперва он приходит ко мне в таверну. Хорошо. Он отказывается платить. Ладно, и такое случается. Мы ведь цивилизованные люди, даже те из нас, кто на самом деле варвар... Мы умеем разбираться в проблемах. И понимать. И даже ждать с оплатой. Что ты мне говорил, Конан? — Карлик сделал неожиданное резкое движение и вцепился Конану в волосы. — Что ты обещал? «Как только подвернется подходящее дело, я тебе заплачу...» Ну — и что, спрашивается, ему подвернулось?

— Я ведь не говорил, что буду убивать его где-нибудь в темном переулке, — сказал Конан. — Место действия никак не оговаривалось.

— Конечно! Ну, разумеется! Все кругом дураки, кроме нашего великого Конана! — Карлик теперь обращался к Саламару, хотя при другом положении дел — и это было слишком очевидно, — вообще едва бы обратил на гирканца внимание. — И я дурак, и ты дурак, и наш великий правитель тоже полный дурак. Итак, Конан получает работу. Убрать одного из дворцовых евнухов. А, морщишься? — Карлик напустился на Саламара, грозя ему кулаками издали и беснуясь на своей стойке. Его короткие ноги так и стучали о дерево. — Ну, и напрасно ты морщишься! Евнухи бывают двух сортов. Первые — изнеженные женственные толстяки, которые сидят по гаремам и занимаются там разной грязноватой липкой пакостью: следят за наложницами, удовлетворяют по мере сил их желания, воруют сладости... Эти неприятны, но не опасны. Вторые — целеустремленные негодяи. Евнухов с доброй душой не существует, это закон. Но если евнух не разжирел, не обрюзг и не погряз в делах гарема, то это — опаснейший из людей! У него нет детей, нет жены — он весь сосредоточен на своем деле. К примеру, овладеть магией. Евнух, овладевший магией, — это... это... Ужас что такое! Или там устроить дворцовый переворот в пользу какого-нибудь принца. Тоже неприятно. Так вот, Конан подрядился убрать именно такого евнуха. Фаворит одной из жен, которая, в свою очередь, мать одного из принцев... Я понятно рассказываю?

— Более или менее, — ответил Саламар.

— Так более или менее? — взъелся карлик.

— Более.

Это слово, непонятно почему, разозлило карлика еще сильнее, и он разразился проклятиями. Некоторое время он так и сыпал бранными словами, а после опять вернулся к повествованию. Только обращал он свои речи отныне не к Конану и не к Саламару — явно недостойным его высочайшего внимания, — а исключительно потолочной балке.

— И вот Конан является в мою таверну. Хорошо. Туда же приходит

наш евнух. Очень злой.

Получил таинственную записку, явно составленную наемным писцом на рынке, потому что киммерийские варвары не умеют писать — во всяком случае, не теми буквами, которые призваны переносить на листы смысл слов, произнесенных в Аграпуре... Я понятно выражаюсь?

Потолочная балка послушно безмолвствовала. Конан и его спутник — тоже.

— Итак, все собрались здесь. Бум, шмяк! Море крови! У евнуха перерезано горло, Конан дерется с десятком солдат из охраны проклятого царедворца. Столы разрублены алебардами, везде лужи крови, ранено пять посетителей — это по самому гуманному счету... Никаких денег, естественно, не хватит, чтобы возместить мне ущерб. А на следующий день приходит начальник городской стражи. «Так и так, вчера здесь произошла настоящая баталия, убит важный царедворец и еще куча народу погибла. Ты должен знать того, кто это сделал, потому что, как утверждают люди, ты несколько раз называл его по имени и обращался к нему как к давнему знакомому». Ага! Именно так все и было. И что, я должен был идти на пытки и смерть ради человека, который разгромил мою таверну? Да ни за что на свете! Они бы все равно дознались... А Конан все равно бы освободился...

— В таком случае, поставь нам с другом выпить, — сказал Конан, когда карлик остановился и перевел дыхание.

— Что ж, — хозяин таверны пожал плечами, — так всегда и заканчивается.

Он ловко спрыгнул на пол и принялся колдовать над огромной бочкой с краном. Спустя короткое время карлик, киммериец и незадачливый Саламар уже сидели втроем за столом и пили неплохое кисловатое вино.

— Ах, — вздохнул Конан, приковчив единственным махом огромную кружку, — после тюрьмы и пожара это — то, что надо!

— Не нравятся мне эти пожары, — заметил Тульпис, обтирая губы.

Конан хмыкнул.

— Они вообще мало кому нравятся... Кроме мародеров и людей, решивших сбежать из тюрьмы. Сообщи какие-нибудь подробности, а то донас новости доходили такими урывками, что и пересказывать-то неудобно.

— Ты уже знаешь, — начал Тульпис, — что загорелось сразу два дворца.

— Приблизительно.

— Не приблизительно, а ровнехонько два дворца! — рассердился

Тульпис. — Причем случилось это в один и тот же час. Практически одновременно. Все попытки погасить пламя ни к чему не привели. Сгорело дотла. Мародеры ушли ни с чем — ничего ценного не сохранилось.

Сплошной пепел.

— Но ведь так не бывает! — не выдержал Саламар. — Каким бы сильным ни случился пожар, всегда останется что-нибудь, что спасется от огня. Драгоценные камни или прочная мебель. Иной раз даже книги, если у них достаточно твердые переплеты.

— Тем не менее, — стоял на своем карлик. — Сгорело дотла! Дотла! На второй пожар я даже не пошел, нечего время терять...

Конан оглушительно захохотал и хлопнул карлика по плечу так, что тот едва не упал со скамьи.

— А люди? — спросил Саламар. — Люди тоже сгорели?

— Нет, — карлик покачал головой. — Они стояли вокруг и шумно причитали. Можно было полюбоваться на женщин, кому это интересно. На тех, которые обычно ходят, закутанные до самых глаз в покрывало, точно стигийские мумии, или путешествуют в носилках за задернутыми занавесками. Ну, я говорю о тех, кому нечем заняться, кроме как таращить глаза на чужих наложниц. Лично у меня полным-полно дел...

— Вряд ли нашего друга Тульписа могли бы заинтересовать женщины без бороды, могучей мускулатуры, да еще такие, что ростом выше трех локтей! — расхохотался Конан.

Тульпис зашипел и некоторое время не мог промолвить ни слова; когда же он обрел наконец дар речи, то произнес только:

— Не смей называть меня своим другом, проклятый верзила!

Конан пожал плечами.

— Если тебе больше нравится считать себя моим врагом — пожалуйста.

— Весь мир состоит из моих врагов, — сообщил Тульпис. — Любая громадина есть сущая гадина, и все вы — враги для маленького человечка, ибо только о том и помышляете, как бы доставить ему побольше неприятностей.

— Не стану тебя разочаровывать, — начал было Конан, но Тульпис завизжал: «Не смей!» таким пронзительным голосом, что Саламар невольно схватился за уши, а Конан сморщился.

— Довольно, — сказал он. — Поговорим серьезно. Итак, ты утверждаешь, мой добрый Тульпис, что загорелось два дворца одновременно, что пропали все находившиеся во дворце вещи, но люди не пострадали?

— Сомнительно, — сказал Тульпис.

— Что именно? — осведомился Конан.

— Сомнительно... — повторил Тульпис. И на долго замолчал, рассматривая вино в своей кружке. Конан не торопил его. Наконец карлик произнес: — Видишь ли, в обоих случаях погибло по одному человеку. В первом дворце это была старая няня господина, которая жила на покое. Во втором — мальчишка евнух, которого недавно купили где-то в Иранистане.

— А прочие?..

— Прочие спаслись, как и было сказано.

— Что же объединяло старушку няню и мальчика-евнуха? — продолжал расспрашивать киммериец.

Тульпис закричал:

— С тобой вечно чувствуешь себя так, точно попал в застенок к начальнику стражи, чтоб его солнцем спалило! Что ты меня допрашиваешь? Что ты мучаешь меня? Ну возьми, возьми на кухне крюки и ножи и подвесь меня над огнем!. Давай, издевайся! Для тебя же не существует ничего священного, коль скоро ты собственного трактирщика и субтыльника так терзаешь!

Конан смотрел на Тульписа так, словно прикидывал: не стоит ли принять совет карлика буквально. Затем проговорил, очень медленно, взвешивая каждое слово, как будто были эти слова золотыми монетами, и киммерийцу предстояло расплачиваться ими за некий товар:

— Если мы найдем между ними общее, то поймем причину.

— Причину чего? Философ! — фыркнул карлик.

— Причину беспорядков, — невозмутимо произнес Конан.

Саламар унылым тоном протянул:

— Лично я считаю, что причина мне известна... И чем дальше, тем хуже все происходит.

Конан бесцеремонно закрыл ему рот своей широченной ладонью.

— Что ты рот человеку затыкаешь? — спросил карлик, с подозрением глядя на Конана.

— Он надоел мне, — объяснил киммериец. — Твердит про свой глупый амулет, который сам же и проглотил...

— Человек, проглотивший амулет? — Карлик изумленно уставился на Саламара. Гнев закипал в маленьком человечке с новой силой.

Следует отметить, что гневался Тульпис почти непрерывно, но сила его негодования оставалась приблизительно на одном и том же уровне; зато он знал множество оттенков дурного настроения и мастерски ими пользовался. Он играл на ярости столь же искусно, сколь хорошо

обученные музыканты играют на флейте или арфе.

— Я не люблю людей, глотающих амулеты! — сказал карлик и скрестил на груди руки. — В них есть что-то нездоровое.

Конан хмыкнул и налил себе еще вина.

— Я бы не стал связывать проглоченный амулет и сгоревшие в Аграпуре дома, — сообщил киммериец.

— А кто их связывает, — проворчал карлик, — они не ковры, чтобы их связывать...

Допив вино, Конан бесцеремонно объявил:

— Мы останемся здесь на ночлег. Вероятно, проведем у тебя несколько дней. Нас разыскивает городская стража, так что попрошу тебя, Тульпис, убедительно попрошу — не болтай о том, что нас видел. Иначе в следующий раз я не буду столь снисходителен к твоим слабостям. Человечек ты маленький, а слабости у тебя большие, и, боюсь, рано или поздно они причинят тебе не приятности размером со слона.

* * *

Если Саламар рассчитывал на спокойную жизнь в таверне у Тульписа, вдали от шума и беспокойств, охвативших Аграпур в эти дни, то он сильно ошибся.

После прекрасно проведенной ночи, которую гирканец проспал в настоящей кровати, укрываясь настоящим одеялом и с подушкой, набитой свежим сеном, под головой, Саламар был вынужден вернуться к трудностям и невзгодам.

Началось все, естественно, с Конана. Неутомимый киммериец был на ногах с рассветом и вскоре растолкал Саламара.

— У тебя много дел, — сказал Конан, неприятно усмехаясь.

— У меня? — Саламар сел, сонно потирая глаза. — Для чего ты разбудил меня? Что тебе от меня нужно?

— Я спас тебя из тюрьмы, — напомнил киммериец. — Если бы не я, ты сейчас уже сгорел бы заживо. Или дождался бы палача, который отрубит тебе руку. Воровать — и то толком не умеешь!

— Я же говорил, что я неудачник, и все мое невезение — от этого предм... кх. — х! — Саламар закашлялся, не желая раздражать могучего варвара.

Конан снизошел к его стараниям не раздражать собеседника и сделал вид, будто не расслышал последнего слова, утонувшего в приступе

неистового кашля. Дождавшись, чтобы гирканец успокоился, варвар продолжал:

— Итак, дружище, во г что мне удалось вытрясти из нашего хозяина. Во время каждого из пожаров сгорело по одному человеку. И это, думается мне, неспроста.

— Мы это вчера обсуждали, — зевнул Саламар. — Боги, Конан! Когда ты успокоишься? Я так устал!..

— Ты сидел в тюрьме и ровным счетом ни чем не занимался, — напомнил ему киммериец.

Саламар взывил:

— Конан! Ты — варвар и убийца!

— Не смею отрицать очевидного. — Конан вздохнул.

— В тюрьме я, позовь заметить, не отдыхал — как ты изволишь выражаться, — а страдал. Это занятие отняло у меня уйму сил. Конан! Пожалей меня!

— Нет уж, — отрезал киммериец. — Ты будешь делать то, что я велю. А велю я тебе следующее. Ты должен обойти все пожарища и поговорить там с людьми. Потолкуй о том, о сем. Расспроси их о разных деталях. Я хочу, чтобы ты узнал как можно больше о погибших. Мы обязаны выяснить, какая существовала между ними связь. От этого многое зависит...

— Я сделаю все, что ты потребуешь, Конан, — заверил Саламар, видя, что спорить с варварам бесполезно. — Ты только корми меня вовремя и объясняй, ради всех благодетельных божеств Хайбории, зачем тебе нужно разбираться в аграпурских пожарах. Ты ведь не метишь на место главного тушителя пожаров в Аграпуре?

Конан сморщился.

— Здесь творится колдовство, я это чую, — сказал киммериец. — Я ненавижу колдунов. У меня от них мороз по коже. Они причиняют бедствия людям... и преследуют меня. И для того, чтобы колдуны начали меня преследовать, мне, заметь, не пришлось ничего глотать, — просто я убил пару-другую этих негодяев, вот они и видят во мне угрозу. Кстати, правильно делают... Такого объяснения тебе достаточно?

— Ну, я ведь понимаю, что всей правды ты мне не скажешь, — обреченно махнул рукой Саламар.

— Правильно понимаешь.

— Хорошо... — Гирканец вздохнул. — Но почему я? Почему ты сам не можешь пойти?

— У меня запоминающаяся внешность, а стражники нас уже разыскивают, — сказал Конан невозмутимо и не без удовольствия отметил,

что его собеседник позеленел от страха. — Тебя же они не узнают.

— Я тоже выделяюсь в толпе, — сказал гирканец.

— Ты переоденешься женщиной, вот и обманешь всех.

— Я... не могу. Я все-таки воин. Как мне переодеваться женщиной, Конан! Ты хочешь, чтобы я совсем перестал уважать себя?

— Если я тебя не уважаю, то и тебе подобный подвиг под силу... Какой ты воин? — безжалостно сказал Конан. — Ты вор, и к тому же неудачливый. Сам ведь рассказывал, что изучал жизнь и привычки продажных женщин. Тогда тебе это понадобилось для того, чтобы втереться в доверие к бедной разбогатевшей шлюхе. Теперь воспользуйся своими знаниями ради того, чтобы спасти свою шкуру.

— А я не могу спасти мою шкуру попросту убравшись из Аграпура? — с безнадежной надеждой спросил Саламар и глянул на Конана просительно.

— Нет, — сказал Конан и потрогал большой кинжал, висевший у него на поясе.

* * *

Женская одежда, как выяснилось, вовсе не стесняла Саламара. Собственно, не существовало такой уж непроходимой границей между женской одеждой и мужской, во всяком случае, для гирканца: туника — чуть длиннее, покрывала — чуть более просторное. Не возникло особенных трудностей и с тем, чтобы изображать женскую походку. Нужно было семенить, опустив голову — большего и не требовалось. Молодое смуглое лицо, видневшееся из-под покрывала, большие темные глаза, наполовину скрытые черной тканью, — все это превращало Саламара в «истинную женщину».

Конан, во всяком случае, остался доволен. «Тебя никто не узнает, даже если будет приглядываться, — заверял своего приятеля варвар. — Только будь осторожен: одинокая женщина легко попадает в неприятности. Держись как служанка знатной госпожи, которую отправили с поручением разузнать новости. Не вздумай изображать из себя важную даму! Похитят — не успеешь и глазом моргнуть. А похитители женщин, как правило, не слишком церемонятся. И когда тебя разденут, то обмана не простят. Нет ничего хуже разочарованного насильника. Их фантазии бывают порой изощренно жестоки».

Саламар оборвал наставления киммерийца: — Довольно! Ничего не

желаю больше слушать, ни о похитителях, ни о дамах, ни о насильниках! Время от времени мне думается, что ты нарочно надо мною издеваешься. Конан пожал плечами.

— Я всего лишь даю тебе советы. И, поскольку людям свойственно упрямство, трачу время на объяснения — для чего надлежит следовать моим советам буквально. Заодно объясняю последствия...

Саламар махнул рукой и ушел, путаясь в покрывалах.

Конан возвратился к столу и вытащил еще один кувшин с вином, похищенный у хозяина маленькой таверны: тот спал прямо на столе, забравшись на столешницу и свернувшись в клубок между пустыми кувшинами, обедками, обглоданными костями и плошками, где еще оставалось немного от вчерашней трапезы.

Саламар появился в таверне только под вечер. Конан встретил его приветственным взмахом руки, в которой была зажата гусиная ножка.

— Я оставил тебе самое вкусное, — вместо приветствия пьяным голосом произнес варвар. — Крыльышко.

— О. — язвительно произнес Саламар.

— С куском грудки.

— Должно быть, это очень маленький кусок, — заметил Саламар, выпутываясь из своих покрывал.

Конан сделал широкий жест, приглашая его к столу.

— Для тебя — в самый раз. Наш хозяин ушел к себе. Сказал, что не может наблюдать за тем, как я ем и пью. По его словам, каждый мой ужин обходится ему в целое состояние, а две-три полноценных дневных трапезы киммерийца способны разорить любого карлика, особенно скupого и склонного. Ну, это он так говорит. В любом случае, его здесь нет. Ушел страдать в одиночестве. Вероятно, так и зачахнет без нашего дружеского пригляда.

Саламар, в длинной и широкой женской тунике, но без покрывала, бросился к столу, схватил оставленный Конаном кусок печеного гуся и жадно принялся рвать мясо с костей.

— Целый день брожу голодный, — сообщил он с набитым ртом.

— Ты мог бы зайти в какую-нибудь таверну и перекусить, — предложил Конан.

Саламар глянул на него со злым прищуром.

— Не ты ли предупреждал, что одинокая женщина часто попадает в неприятности? Как ты думаешь, подходящее ли место для таковой харчевни?

— Смотря для какой женщины.

— Для такой женщины, как я.

— О! — Конан фыркнул. — Разумеется, ты прав. Молодец, что не забыл моих дружеских советов. Но ты мог ведь купить какой-нибудь пирожок на улице.

— Я не знаю, как во всех этих штуках есть, — зло сказал Саламар. — Покрывало закутывает почти все лицо. Отодвинуть покрывало и явить миру жующий рот? Или сунуть жирную булочку прямо под покрывала и чавкать там, будучи скрытой от мира? Понимаешь ли, для меня этот вопрос так и остался нерешенным. Я пытался подглядывать за другими женщинами, но ни одна из них, как на грех, не покупала ничего у уличных разносчиков.

— Да, — молвил Конан, — проблема оказалась серьезней, чем я предполагал. Пожалуй, сташу для тебя еще пару лепешек.

— Сделай одолжение.

— И рубленого чеснока.

— Он, должно быть, несвежий, — поморщился Саламар.

— Да нет, я сам его только что нарубил, — сказал Конан. — Мечом. Получилось не очень мелко, зато он совершенно свежий.

— И с шелухой, — добавил Саламар вполголоса.

Результаты его похода вполне удовлетворили

Конана. Пожары действительно вызвали в городе множество пересудов, и среди бесполезных и досужих толков один слух держался устойчивее всех прочих, и его-то принес своему товарищу Саламар.

Старая няня погибла весьма странным образом. Одна из служанок видела, как старуха внезапно вскрикнула, подняла руки над головой — и тотчас она оказалась объята пламенем. Приблизительно то же самое рассказывали и о мальчике, доставленном в гарем несколько дней назад. Вероятно, и в остальных случаях пожар начался именно с тех самых людей, которые не выжили: их тела загорелись сами собой.

— Разрази меня гром, если я понимаю, что это означает, — заключил свое повествование Саламар.

— Мне кажется, я понял, — кивнул Конан. От его опьянения словно бы не осталось и следа, хотя всего полчаса назад киммериец был изрядно навеселе. — Ты выяснил больше, чем я рассчитывал.

— Помнишь, мы говорили, что важно понять — есть ли между погибшими нечто общее, — сказал Саламар. Он сделал большой глоток из кувшина, со вздохом обтер рот и продолжил: — Так вот, все они были из разных мест. Вряд ли когда-нибудь встречались в самом Аграпуре. Единственное, что их связывает, — одинаковый и весьма жуткий способ

умереть. По-твоему, здесь действует какая-то магия?

— А сам ты как думаешь?

— Думаю, да. Магия. Древняя и весьма могущественная. Магия огня.

— Это не то, что ты имеешь в виду, — сказал Конан задумчиво. — Совершенно не то. Пожалуй, я расскажу тебе, потому что ты отныне — надежный человек.

— Почему это я вдруг стал надежным человеком? — возмутился Саламар.

— Что тебе не нравится? — вопросом на вопрос ответил Конан.

— До сих пор ты считал меня дурачком, которому нельзя поручить и самой малости. Ты наставлял меня так, словно я — глупый ребенок, ты растолковывал для меня очевидные вещи. И вдруг заявляешь, будто я...

— Положим, ты с тех пор сильно изменился, — сказал Конан. — Тебя устраивает подобное объяснение?

Саламар махнул рукой.

— Боюсь, я никогда не успею за ходом твоей мысли. Слишком уж неожиданные повороты она делает. Так что поговорим лучше о другом. Что ты хотел мне сообщить? Мне, такому новому и надежному?

— Магия магии рознь, — сказал Конан с важным видом.

Саламар покраснел и поперхнулся.

— Ты издеваешься надо мной? — прошептал он.

— Я только начал поучение. Перестань наконец считать меня своим врагом! Я ведь могу и рассердиться.

— Я тоже.

Конан покачал головой.

— Я только хотел сказать, что бывают маги, которые только тем и занимаются, что изменяют мир по собственному усмотрению. Им наплевать, если кто-нибудь при этом пострадает. Охота такому магу, к примеру, искупаться в жаркий день — он попросту берет и переносит озеро поближе к своему порогу, А то, что какие-нибудь рыбаки лишаются улова, что при этом перемещении гибнет рыба или, скажем, тонет какой-то незадачливый купальщик, — до этого ему и дела нет.

— Ну, я понял, понял. Таких магов ты ненавидишь и убиваешь везде, где только до них до бираешься.

— Именно. Стрела, выпущенная луком твоих уст, угодила прямо в центр мишени моих помыслов, — сказал Конан и сделал замысловатый жест, который, по его представлению, должен был имитировать «придворные манеры». — Но есть ведь и другая магия. Магия чудесных существ. Положим, единорог. Я никогда, правда, не видел единорогов и ни

одного не убил, но все же... Или дриады. Дриад я видел и тоже ни одной не убил.

— Немного однообразно, но в целом доходчиво, — сказал Саламар. Было заметно, что он опьянел и сделался смелее; трезвый Саламар не решился бы разговаривать со вспыльчивым киммерийцем подобным тоном.

— Эти существа не призывают магию себе в помощь, — продолжал Конан. — Они просто являются таковыми, каковыми являются. Они не стараются изменить свою природу, они лишь следуют своей природе... Это ясно?

— Да. Неясно лишь одно: о каком волшебном существе мы говорим с тобой сейчас.

— Ты проницателен. Говорю же, ты изменился — стал лучше. Поздравляю. — Киммериец фыркнул с совершенно серьезным видом. — Я имею в виду феникса.

— Насколько я знаю, феникс — чудесная птица, которая раз в пятьсот лет сгорает...

Конан остановил своего собеседника, подняв палец.

— Она не просто сгорает — она вспыхивает сама по себе. Огонь исходит из ее сердцевины. А затем на том месте, где все произошло, появляется яйцо нового феникса.

— Замечательный, хотя и несколько хлопотный способ размножаться, — сказал Саламар. — Я знаю другой способ. И предпочитаю именно его.

— Время размножаться еще не поспело, — назидательным тоном произнес Конан. — Сперва займемся фениксом. Сдается мне, здесь все не так просто.

— Погоди, — остановил его Саламар. — Сдается мне, все не так просто и с тобой. Откуда ты знал, что встретишь в Аграпуре феникса?

— Думаешь, я здесь неспроста?

— Думаю, да, — кивнул Саламар. — Ты вообще не тот, кем кажешься.

Конан захохотал.

— Ну-ка расскажи мне! Открой свои мысли!

— Выглядишь ты простачком-варваром, громилой с огромным мечом; однако это лишь видимость. Твои цели, твои планы, твои побуждения — все это скрыто. Тебе известно очень многое. Ты умеешь пользоваться своими знаниями — редкое умение: большинство людей либо знает нечто, либо в состоянии нечего сделать; сочетание знания и умения встречается редко.

— Кром! Да я просто живое божество, если тебя послушать.

— Просто не вполне обычный человек, не скромничай, — сказал Саламар. — Если ты предпочтешь не рассказывать, откуда тебе известно про феникса и почему ты очутился в Аграпуре практически одновременно с возгоранием волшебной птицы, — что ж, я пойму. Но сдается мне, у тебя имелись некие причины оказаться здесь, поблизости от странных пожаров.

— Если ты будешь помогать мне и дальше... — начал Конан.

— Нужно же чем-то наполнить бесполезные дни моей жизни! — ответил Саламар.

— В таком случае, слушай...

* * *

В одном из кварталов Аграпура есть странное место: это сад, где нет ни одной постройки. Кому принадлежит сад — неизвестно; он выглядит запущенным, и никто не дерзает входить туда. Колючие кусты разрослись, переплели ветвями все пространство между деревьями. И это не обычные колючки: они впиваются в тело неосторожного человека, поддавшегося любопытству, и срывают целые лоскуты кожи, так что бедняга не знает, каким богам молиться, чтобы унести ноги.

Деревья стоят там голые, без листьев и цветов. На земле, у корней деревьев, растут лишь ядовитые травы, к которым лучше не прикасаться: одного листика бывает довольно, чтобы живое существо упало мертвым, истекая кровавой пеной.

Никто не знает, кому принадлежит этот сад. Никто не задает вопросов касательно него, а ограду предпочитают обходить стороной. И все же нашелся человек, любознательность которого взяла верх над осторожностью. Перебравшись через ограду, он ловко спрыгнул вниз. Человек этот был весьма осторожен и заранее выбрал себе для приземления место, где кустарник рос не столь густо; к тому же он надел кожаные штаны и плотную куртку, так что ядовитые шипы не прикоснулись бы к его телу. Он ожидал чего угодно, только не того, что его встретило...

В мгновение ока все переменилось. Жуткие заросли, где нет места ни для чего живого, каким выглядел участок, если смотреть с улицы, находясь по ту сторону ограды, превратился в ухоженный сад. Повсюду цвели крупные цветы: они свисали гроздьями с ветвей, нежно-розовые, нежно-голубые, филолетовые, белые, они поднимались на гибких стеблях из земли, прикосновение их лепестков было нежным и прохладным.

Деревья, покрытые зеленою листвой, расступались, открывая дорожки, посыпанные желтым песком. Везде на маленьких лужайках, разбросанных по всему саду, стояли причудливые беседки; имелось несколько маленьких прудов, где резвились красные рыбки с пышными хвостами.

И, что самое интересное, внутри ограды сад казался огромным, в то время как снаружи он занимал весьма небольшое пространство.

Конан (разумеется, он и был тем самым бесстрашным человеком, что не побоялся забраться в жуткий сад) осторожно двинулся по дорожке и скоро увидел дворец с яркими витыми башнями и просторными витражными окнами по всему фасаду.

Навстречу ему вышла женщина. Киммериец остановился, рассматривая ее с возрастающим удивлением. Сказать, что она была прекрасна, — значит, не дать и малейшего представления о ее внешности. Она была небольшого роста, черноволосая, очень хрупкая на вид. Ее узкое лицо постоянно менялось: по нему как будто пробегали то свет, то тени. Ее румянец был золотистый, не розовый, а бледность, которая приходила ей на смену спустя всего лишь минуту, — выглядела серебристой, точно запорошенное пеплом зеркало.

Одежда женщины представляла собой длинное просторное платье из красных птичьих перьев.

Конан остановился в нескольких шагах от нее.

— Кто ты? — спросила она тихим, грудным голосом.

Конан молча рассматривал ее.

Она вскрикнула, и в ее голосе зазвенела медь:

— Кто ты такой?

— Меня зовут Конан, — ответил варвар и замолчал, полагая, что сказал все необходимое для знакомства.

Женщина глубоко вздохнула.

— Прошло уже более ста лет с тех пор, как смертный человек решался войти в мой сад...

— В таком случае, уместно ли будет спросить тебя — кто ты такая? — заговорил киммериец.

Женщина побледнела, а затем на ее лицо вернулось золото румянца: она как будто смотрела в огонь.

— Я Бронвэг, возлюбленная Феникса. Мы играем в вопросы и ответы?

— Возможно, — сказал Конан.

— Хорошо, — кивнула Бронвэг. — В таком случае, теперь мой черед спрашивать. Зачем ты забрался сюда?

— Об этом месте говорили в тавerne, где я сидел. Мне захотелось

посмотреть, что здесь такого происходит. Я ответил на твой вопрос?

— Не трать свое право на вопрос ради такого пустяка...

— Хорошо, спрошу о другом. Где твой возлюбленный, Феникс?

— Он покинул меня.

— Почему?

— Не нарушай правил, сейчас мой черед спрашивать, — оборвала его Бронвэг. — Итак, Конан, где твоя родина?

— Я из Киммерии, моя родная страна находится далеко на севере, и там много высоких гор, а ледник царапает небеса.

— О! — проговорила Бронвэг. — Должно быть, там красиво.

— Везде, где я побывал, встречается красота, а я обошел почти всю Хайборию, — сказал Конан. — Итак, где твой возлюбленный?

— Я не знаю... — И вдруг она заплакала. — Больше ста лет назад я потеряла его, Конан! Он ушел, и я не могу найти его, потому что магия нашей любви держит меня взаперти в моем саду.

— Не самое худшее место для жизни, можешь мне поверить, красавица, — утешил ее варвар. — Я побывал за пределами твоего сада и могу уверенно сказать, что почти везде гораздо хуже. Здесь нет ни пьяных рож, ни глупых правителей, ни развратных колдунов — разве что ты сама такова, в чем я сомневаюсь, — ни демонов, ни воров, ни грубых стражников, ни...

— Довольно! — вскрикнула Бронвэг. — Твои слова причиняют мне боль. Я и не думала о том, как ужасно живут люди за оградой моего сада.

— Знаешь, Бронвэг, если задуматься, то все не так уж и ужасно, — признал Конан. — Разнообразие и все такое. Скучать не приходится. Но здесь в любом случае изумительно красиво. И если у тебя нет недостатка в еде и питье...

— У меня ни в чем нет недостатка, даже в обществе, — сказала Бронвэг. — Я разговариваю с птицами и рыбами, в моем саду живут змеи с женскими головами — они любят поболтать и попеть со мной на закате...

Конан не любил змей, даже таких, у которых были женские головы, однако говорить об этом прекрасной Бронвэг не счел нужным: в конце концов, у хозяйки зачарованного сада собственные представления о том, что для нее лучше.

— Но я тоскую по моему возлюбленному! — продолжала она. И, искоса глянув на Конана, добавила: — Скажи, ты не встречал его в городе?

— Нет, — Конан покачал головой.

Во всяком случае, эта женщина его не домогалась. Если и имелось что-то, что Конан ненавидел, пожалуй, даже больше, чем колдунов и

демонов, так это чародейки, которым непременно хотелось затащить киммерийца в постель, а после использовать в собственных целях, как правило — отвратительных.

Но Бронвэг, похоже, думала только о Фениксе.

— Как же вышло, что он оставил тебя? — спросил Конан.

Слезы медленно потекли по ее лицу, но, добрались до середины щеки, они закипали и испарялись.

— Он улетел... Он сказал мне, что должен наполнить мир красотой и светом... Мои подруги-змеи разыскивали его повсюду. Они сказали мне ужасную вещь! Он принял облик человека и наполнил мир своими потомками. Он изменил мне!

— Если ты готова его простить, то он, думается мне, возвратится в твои объятия, — попробовал утешить Бронвэг ее собеседник-варвар.

— Я простила его, уже давно простила. То, что он сделал, было преступлением не по отношению ко мне, но по отношению к нему самому! Как ты не понимаешь? Прежде все было так просто. Он сжигал сам себя на волшебном костре и затем возрождался вновь: мне оставалось лишь ухаживать за золотым яйцом, которое обнаруживалось на пепелище, а затем ждать, пока вырастет птенец. Я видела, как он начинает узнавать меня, как он вспоминает о том, что я была ему и матерью, и возлюбленной, как он мужает... И затем наступал чудесный миг нашей свадьбы — мы возобновляли брак, и наступали столетия блаженства!

Но, уйдя от меня и связав себя с земными женщинами, он растратил естество Феникса. Его потомки — каждый из них — несет в себе несколько капель волшебной крови; однако каким образом произойдет возрождение Феникса на сей раз? Как это будет возможно? Они должны собраться в одном месте, они должны сгореть в один и тот же день, чтобы высвободилась чистая энергия чудесной птицы и возникло новое яйцо, зародыш новой жизни Феникса...

— Может быть, это уже происходит сейчас, — сказал Конан.

Бронвэг склонила голову набок.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы ведь не знаем, как выглядят потомки Феникса, — пояснил Конан. — Не исключено, что судьба привела их в Аграпур, и скоро начнутся события, предшествующие появлению золотого яйца.

— Это было бы слишком прекрасно... — Бронвэг вздохнула, и еще несколько слезинок вскипело на ее золотых щеках. — Я боюсь, — призналась она. — Я чувствую приближение этого времени и испытываю сильный страх. Кто будет ухаживать за яйцом, кто убережет птенца, пока

тот беспомощен?

— Ну, вряд ли я возьму на себя эту роль, — усмехнулся варвар. — Всетаки я не птичница, знаешь ли. Я воин.

— О, я сразу поняла, что ты воин! — похвасталась Бронвэг с какой-то совершенно детской гордостью. — Я научилась распознавать воинов. У них всегда есть оружие, у них гордый блестающий взор, и они могучи, горды...

— И еще у них, как правило, отвратительный характер, они раздражительны, вспыльчивы, пьяницы и драчуньи, — добавил Конан. И поспешил улыбнуться своей собеседнице, чтобы та не успела испугаться: — Я не таков, Бронвэг. Думаю, не которую утонченность и даже изысканность мне добавляет то обстоятельство, что изредка я промышляю не грабежами, а воровством и обманом. Это очень оттачивает манеры, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Судя по выражению прекрасного лица Бронвэг, она не поняла ни слова из сказанного варваром. Конан вернулся к прежней теме:

— Если ты обещаешь хорошенко вознаградить меня, то я попытаюсь отыскать золотое яйцо с маленьким Фениксом внутри и принесу его тебе.

Глаза Бронвэг заискрились.

— То, что ты говоришь, является верхом моих мечтаний! Но неужели ты сумеешь сделать это?

Конан пожал плечами.

— Почему бы и нет? Не существует невозможного, особенно за деньги.

— Деньги? Но что такое деньги? Я могу дать тебе драгоценных камней и золота, все, что ты захочешь. Выберешь сам.

— А, — сказал Конан, — ну тогда можешь на меня рассчитывать...

* * *

Часть этой истории Конан рассказал Саламару — самое основное.

— Так, по-твоему, все эти сгоревшие люди были потомками Феникса? — переспросил удивленный гирканец.

— Именно. Иного объяснения всем этим возгораниям быть не может. Теперь ты понимаешь, что я...

— Я понимаю, — медленно начал Саламар, — что ты заставил меня переодеться женщиной и отправил собирать для тебя сведения, в которых сам ты не нуждался! Ты ведь и без моей разведки прекрасно все знал, не

так ли?

— Может быть, — невозмутимо отозвался Конан, — но я ведь должен был во всем окончательно убедиться. Общее между всеми погибшими одно: они были потомками Феникса. Кстати, это обстоятельство проясняет и наше с тобой чудесное спасение из огня пожара в тюрьме. Помнишь, когда мы бежали сквозь пламя, нас даже не обожгло?

— Кого как, — проворчал Саламар, но в глубине души он не мог не признать правоту киммерийца. Поведение огня еще тогда показалось Саламару не вполне естественным. Бежавшие узники находились прямо посреди пожара и все-таки практически не пострадали. И то же самое касалось и стражников.

— Погиб только старик, который сидел с нами в подземелье, — добавил Конан. — Помнишь, он отказался уйти?

— Но ведь его тело не загорелось.

— Откуда нам знать? Вероятно, там был еще один Феникс... а старик вспыхнул потом.

— Ну, разве что... — нехотя кивнул Саламар.

— У меня есть еще одно предположение, — сказал Конан. — Возможно, старик и есть Феникс... В таком случае, он загорится последним.

— А у меня есть вывод из всего, что ты мне наговорил, — Саламар вздохнул. — Если все в твоей истории сойдется, то золотое яйцо мы обнаружим на том самом месте, где находилась сгоревшая тюрьма. Так что имеет смысл поспешить, покуда искомое не выкопали из-под пепла другие, более расторопные люди. Когда имеешь дело с мародерами, ни за что поручиться нельзя. Такая уж это публика.

Конан сказал:

— А ты не дурак.

И задумался.

Пока киммериец размышлял, Саламар покончил наконец со своим куском гусятины и снова налил себе вина.

— Но как мы отправимся туда? — спросил Конан. — Нас ведь ищут. Забыл?

— Такое забыть непросто, — вздохнул Саламар. — Я даже готов снова переодеться женшиной, лишь бы не попасть в руки к аграпурской страже. Как вспомню, к чему меня приговорили... бр-р! Мороз по коже дерет.

— Да, однорукому воровать неловко, — признал Конан.

— Самое обидное заключается в том, что я на сей раз ничего не украл! — с горечью произнес Саламар. — Я утащил только тот амулет,

который...

— Да, да, помню. Можешь не повторять. Но утащить золотое яйцо просто необходимо. Я обещал Бронвэг, да и вообще... Как представлю себе, что какой-нибудь пройдоха завладеет этим предметом, а после, когда на свет появится Феникс, будет содержать волшебную птицу у себя в клетке...

— Скорее, продаст ее какому-нибудь богатею, — вставил Саламар.

— Да, а тот посадит ее в клетку, — упрямо стоял на своем Конан. — В любом случае, это неприятно. Птица должна летать в поднебесье. Не для того сгорели все потомки Феникса, чтобы их возрожденный предок протомился пятьсот лет за решеткой.

— Может быть, это научит его не бросать возлюбленную ради сомнительного удовольствия «повидать мир», — сказал Саламар.

— Ну, мало ли какие поступки совершают люди ради сомнительных удовольствий, — заметил Конан.

В конце концов они решили, что на пепелище тюрьмы пойдет карлик Тульпис, а Конан отправится с ним в образе чернокожего слуги. Киммериец раздется до пояса, вымазался сажей и пошел будить Тульписа, который почивал сном праведника в своих комнатах.

Саламар на время остался внизу один. Вскоре до его слуха донесся вопль ужаса: видимо, этот крик испустил Тульпис, увидевший, как над его ложем склоняется гигантских размеров негр и скалит белые зубы.

Спустя некоторое время Тульпис в сопровождении отчаянно черномазого Конана спустился вниз.

Карлик был очень возбужден. Он размахивал руками и говорил очень быстро и бессвязно, то и дело останавливался, поворачивался к Конану и хватал его за пряжки пояса.

— Ты уверен? — долетали до Саламара его отрывистые восклицания. — Даст драгоценные камни? Золотое яйцо? Может, не стоит нам отдавать ей яйцо, коль скоро оно золотое? Заберем себе, а? Вдруг она не заплатит? И вообще, как ты мог довериться женщине в платье из птичьих перьев? Ах, Конан, всему-то тебя приходится учить — ты как ребенок, право слово! Где это сказано, что человек должен доверять женщинам в платьях из птичьих перьев?

— И еще у нее слезы на щеках закипали и испарялись, — добавил Конан, явно желая подразнить карлика.

Но на сей раз киммериец не достиг цели. Тульпис только отмахнулся:

— Ничего особенного — у женщин со слезами всегда так: только что ревела в три ручья — и вот уже улыбается и чего-то от тебя добивается вкрадчивым голосом.

— Твое знание жизни и женщин меня ужасает, Тульпис, — сказал киммериец.

При виде Саламара карлик замер на месте. Он выпучил глаза и уставился на гирканца.

— Что? — спросил Саламар с кривой улыбкой. — Ты успел забыть о моем существовании?

— А это кто такой, Конан, а? — карлик обернулся к Конану, указывая на Саламара большим пальцем из-за плеча. — Откуда ты выкопал такую образину?

— Мы приходили к тебе вчера вдвоем, — напомнил Конан. — Он сидел в той же тюрьме, что и я. А в тюрьму я попал благодаря тому, что один владелец харчевни не умел — или не захотел — держать язык за зубами... Это обстоятельство также не следует выпускать из внимания.

— Совершенно не обязательно напоминать человеку о его просчетах и ошибках, — огрызнулся Тульпис. — К тому же я замазал свою оплошность, накормив тебя, как царя, и закрыв глаза на все прочие твои проделки в моей харчевне. Так что теперь объясни мне, откуда взялось это... э... лицо.

— Мне надоело слушать, как вы оба издеваетесь! — проговорил Саламар, поднимаясь с места и направляясь к карлику и его рослому товарищу.

Результат превзошел все ожидания. Тульпис заорал: «Ай, ай, не подходи, не прикасайся ко мне!» — и шарахнулся в сторону, норовя заскочить за спину киммерийцу. Конан широко ухмыльнулся, демонстрируя ошеломленному Саламару белоснежные зубы.

— В чем дело?! — Саламар в отчаянии опустил руки. — Да о чем он говорит? Почему он не может меня вспомнить, но еще и боится?

— К несчастью, у меня нет при себе зеркала, Саламар, — отозвался Конан, — но поверь мне на слово: твоя наружность претерпела существенные изменения. Теперь я вполне верю твоей болтовне насчет артефакта. С резными кхитайскими палочками следует вести себя чрезвычайно осторожно.

Саламар покачал головой. Жест безнадежности. Никто ничего не желал объяснять ему. Гирканец на всякий случай ощупал свое лицо, провел ладонями по всему телу. При одной только мысли о том, что он, возможно, превратился в женщину или покрылся бородавками, его прошиб холодный пот. Но ни бородавок, ни явственных примет женского тела он на себе не обнаружил.

— Странно все это, — пробормотал Саламар, усаживаясь обратно за стол.

Конан взял Тульписа за плечо.

— Идем, у нас много дел. Хватит трястись — ничего страшного, в сущности, не произошло...

— Может быть, — бормотнул карлик, — но рожа... ужас!

Они вместе вышли на улицу, оставив Саламара в состоянии страха перед неизвестностью.

* * *

В Аграпуре пахло гарью. Дым пожарищ тянулся по улицам, и прихоти ветра разносили его по всему городу. Десятки людей, оставшихся без крова, слонялись повсюду. Кое-кто отправился жить к родственникам; но большинство впало в настоящее отчаяние — в одночасье потеряв все свое имущество, эти богачи, ставшие бедняками, продавали то единственное, что у них еще оставалось: рабов и наложниц. На вырученные деньги они снимали комнаты в гостиницах. Однако было очевидно, что надолго этих денег не хватит, так что всем им приходилось думать над тем, как устраивать свою жизнь дальше.

Таким образом, рабы подешевели, а комнаты в гостиницах подорожали, и это не могло не сказаться на общем состоянии торговли в Аграпуре. Двое или трое работников погнали свои караваны дальше, разочарованные тем, что встретило их здесь.

— В конце концов, ничего не потеряли только эти бедолаги, — сказал Тульпис, кивая на очередного раба-носильщика, который переходил из рук в руки. — Какая ему разница, чьи носилки тащить на плечах?

— Разве что прежде он носил легонькую госпожу, а теперь будет носить тяжеленного господина, — предположил Конан.

Но сбить Тульписа с мысли оказалось практически невозможно. Карлик скроил жуткую физиономию.

— Где ты видел, чтобы госпожа была «легонькой»? Все аграпурские госпожи — толстенные коровы, и таскать такую тушу, да еще увшанную драгоценностями, — то еще удовольствие!

— Можно подумать, ты подрабатывал носильщиком! — поддел приятеля Конан.

— Я, разумеется, не занимался подобной ерундой, — с достоинством возразил карлик, — однако у меня бывали клиенты из этого разряда.

— Ты пускал к себе в харчевню рабов? — удивился Конан.

— Тс-с! Незачем кричать об этом на весь квартал! — Карлик сильно

покраснел. — Деньги у них водились и ничем не отличались от денег, которыми расплачиваются свободные... И нужно ведь человеку где-нибудь посидеть и отдохнуть за плошкой сдобренной мясом каши, да так, чтобы не им помыкали, а он требовал от служанок почтительности и внимания?

— Вероятно, нужно, — согласился Конан. — Никогда об этом всерьез не задумывался. У меня всегда находились другие темы для размышлений.

Тульпис безнадежно махнул в его сторону рукой.

Возле бывшей тюрьмы, превратившейся теперь в груду дымящихся руин, никого не было, ни стражников, ни мародеров. Да и в самом деле, что можно было взять из тюрьмы — даже если бы здесь, в виде исключения, пламя и пощадило бы что-нибудь из вещей? Оружие? Вряд ли оно будет пригодно после того, как побывает в таком пожаре. Оковы и цепи? Решетки? Смешно даже предположить, что они понадобятся кому-то из горожан.

Конан вспоминал, как пламя расступалось, пропуская беглецов. Он понимал, что нечто подобное происходило и во всех остальных случаях. Огонь, пожиравший дома, был особенным и предназначался лишь для того, чтобы сгорел сам Феникс. Вероятно, предметы, погибшие при этом, «рассматривались» чудесным огнем как топливо.

— Ну что, — проворчал карлик, останавливаясь перед грудами пепла, — будем, стало быть, здесь шарить?

Он ступил на пепел и тут же с проклятием отскочил.

— Он горячий!

— Разумеется, здесь ведь недавно все пыпало, — заметил варвар насмешливо.

Тульпис уставился на приятеля с яростью.

— По-моему, ты переоделся моим слугой, так что попытайся вести себя соответственно.

— Это как? Кланяться тебе, что ли?

— Хотя бы...

— Я и так вынужден сгибаться в три погибели, когда с тобой разговариваю, — небрежно произнес Конан, — что еще тебе надобно?

— Принеси палку. Будем ворошить пепел палкой.

Конан протянул карлику небольшую дубинку, предусмотрительно захваченную им из харчевни. При этом он размахивал левой рукой, выписывая в воздухе вензеля. Тульпис подозрительно прищурился:

— Что это такое, а? Энвольтация?

— Ты о чем? — удивился Конан.

— Ну, что ты делаешь рукой — все эти штуки и загогулины? Ты не

колдуешь, а?

— Я?! Да как тебе такое в голову могло прийти?! — взревел Конан. — Я пытаюсь изображать изысканные манеры хорошо вышколенного слуги.

— Не получилось, — фыркнул карлик. — Если уж тебе охота корчить из себя хорошо вышколенного слугу-негра, — при слове «охота» Конан изобразил крайнее негодование, — то возьми себе вторую палку и помогай мне искать.

Они встали рядом с пеплом и принялись тыкать в мягкие горы. Поднялась невесомая пыль, воздух сделался серым. Карлик расчихался, раскашлялся, из его глаз потекли слезы.

Конан осведомился:

— Что это с тобой?

— Не видишь? — огрызнулся Тульпис. — Я страдаю. И не понимаю, почему на тебя вся эта пыль не действует. Все нормальные люди от нее начинают кашлять и задыхаться.

— Вероятно, с тобой это происходит потому, что ты близок к земле, — отозвался Конан. — Я же довольно от нее далек.

После этого хвастливого замечания он оглушительно чихнул и даже смущился на миг. Тульпис, казалось, почувствовал себя полностью удовлетворенным. Карлик возобновил поиски с усиленной энергией.

Конан сказал:

— Не размахивай палкой так яростно. Неровен час разобьем яйцо...

— Не разбив яйца, не сделаешь яичницу, — сказал харчевник. — И пирога тоже не испечешь.

— Наша цель, если ты еще помнишь об этом, коротышка, — не яичница и даже не пирог, а яйцо Феникса, — напомнил Конан.

Карлик оперся на свою дубину и уставился киммерийцу в лицо, глядя снизу вверх и двигая запорошенной пеплом бородой.

— Как его можно разбить, ведь оно золотое, — спросил Тульпис.

— Возможно, оно лишь выглядит золотым, — предположил Конан, — а на самом деле хрупкое, как и любое яйцо, только покрыто позолотой.

— Не нравится мне все это, — сказал Тульпис.

Они оставили палки, и Конан принял осторожно разгребать пепел рукой, обмотанной плащом. Внезапно киммериец замер.

— Что там? — насыпал на него карлик. Тульпис страшно боялся, чтобы напарник его не обманул и не скрылся с драгоценным яйцом. — Покажи!

Ну, покажи, что ты нашел? Это оно?

Конан осторожно высвободил руку из плаща и, пренебрегая жаром, сомкнул пальцы на гладкой сфере, которую нащупал под слоем пепла.

Медленно он вытащил на поверхность яйцо. Оно оказалось большим, на ощупь прохладным, несмотря на то, что возникло в самых недрицах пожара и, не принадлежи оно к миру чар и волшебства, непременно должно было бы быть раскаленным докрасна. От скорлупы исходило слабое свечение. Казалось, внутри яйца помещается небольшая горящая лампа.

Конан взял яйцо в руки — оно с трудом помещалось у него на обеих ладонях — и обратился к Тульпису:

— Расстели на мостовой плащ. Завернем его. Не тащить же его всем напоказ. Да и повредить страшно.

— Дай я, ты не умеешь, — засуетился Тульпис. — Я заверну, я и понесу...

— Если ты споткнешься, я отрублю тебе голову, — предупредил Конан. — Может быть, из твоего обезглавленного тела вылетит крылатый конь или выскочит прекрасная юная девушка.

— Где ты набрался подобной чуши? — Тульпис даже задохнулся от возмущения.

— Я внимательно слушал сказки, когда их рассказывала мне моя старая кормилица.

— Не было у тебя никакой кормилицы, ни старой, ни молодой, — отрезал Тульпис.

— Откуда ты знаешь? — удивился варвар.

— Оттуда! — Тульпис с торжеством вздернул бороду. — Оттуда, что ты как-то раз сам рассказывал мне о своем детстве. Когда напился у меня в харчевне. И, кстати, не заплатил.

— Вероятно, ты подмешал мне в питье порошок правды, а это противозаконно, — сказал Конан. — Довольно болтать. Оно тяжелое, и я боюсь сжать его слишком сильно.

Тульпис снял плащ и засуетился вокруг Конана. Тот наклонился и бережно уложил яйцо Феникса на складки плаща. Тульпис тотчас обернулся добычу в несколько раз, сделал узелок и выпрямился, держа его в руках.

— Лично я готов отправляться за драгоценными камнями и золотом прямо сейчас. Где живет возлюбленная нашего яйца? Ты что-то не упоминал об этом. Сколько я ни копаюсь в голове, — тут карлик поскреб себя по волосам твердыми ногтями, — не могу припомнить, чтобы ты называл ее жилье.

— Потому что она обитает в Проклятом саду, — сказал Конан.

Карлик споткнулся и едва не упал. В последний миг киммериец подхватил его под локоть.

— Осторожней! — прошипел Конан. — Иначе, клянусь, я выполню мою угрозу и срублю твою голову, вместе с бородой и волосами!

— Ты убийца, — сказал Тульпис. — Как же ты сумел пробраться в Проклятый сад? Всему Аграпуру известно: любой, кто перелезет через ограду, умрет жуткой смертью. Ты видел эти шипы? А эти ядовитые растения? Да там даже пауки дохнут от отравы, настолько ужасен там самый воздух!

— Видишь ли, Тульпис, я в Аграпуре человек новый и многого не знал, — пояснил Конан. — Например, не знал, что в Проклятый сад залезать так опасно, как ты говоришь. Поэтому и залез.

— И? — жадно спросил Тульпис.

— Как видишь, я жив-здоров. Так что приглашаю тебя с собой. Кроме самой хозяйки, есть еще женщины-змейки и наверняка там водится парочка дриад. Нужно расспросить ее.

— А золото и драгоценные камни? — продолжал Тульпис. — Она не лжет, как тебе показалось? Она действительно даст нам все, что обещала?

— Будь ты женщиной, у которой всяких богатств навалом, — разве ты не наградил бы тех, кто принес тебе возлюбленного обратно? — поинтересовался Конан.

Тульпис призадумался.

— Да еще возлюбленного такого тихого, кроткого, заточенного в яйце. Наверняка он будет очень послушным и милым мальчиком, когда вылупится. Нет, Конан, думаю, ты прав — если она не коварна и не так злобна, как прочие представительницы ее племени, она нам с тобой, несомненно, заплатит. Мне хочется прыгать от радости!

— Только не с яйцом.

Проклятый сад предстал их взору еще более жуткий и угрюмый, чем обычно. Тульпис невольно замедлил шаг, рассматривая голые ветви деревьев, острые длинные шипы, торчащие повсюду на ветках, стрекучие растения, заполняющие все свободное пространство между сводами. Затем он повернулся к своему рослому спутнику:

— Конан, ты уверен, что мы не забираемся туда себе на погибель?

— Уверен, уверен, — сказал Конан. — Я ведь уже побывал там.

— А вдруг что-нибудь изменилось?

— Что могло измениться? — удивился киммериец. — Должна ведь она где-то жить, не так ли! Не станет возлюбленная Феникса обитать в таком отвратительном месте. Нет, все это — лишь видимость для жителей Аграпура, чтобы они не вздумали нарушать покой хозяйки. Дай-ка сюда сверток.

Конан взял сверток с золотым яйцом и повесил его на один из прутьев решетки. Затем подхватил под мышки Тульписа и перебросил его через ограду. Карлик пролетел по воздуху, воля и дрыгая в полете коротенькими ножками, а затем исчез, едва лишь коснулся земли. Конан улыбнулся и подтянулся наверх.

Внизу все было как прежде: красивые растения, свежий воздух, плеск воды в далеком пруду, где резвились рыбки, и пение фонтанчика. Тульпис сидел на земле, потирая ушибленный зад, и изумленно таращился по сторонам.

— Магия! — прошептал карлик.

Конан спрыгнул вниз, взял сверток, и оба приятеля двинулись по дорожке, туда, где виднелись башенки дворца.

Бронвэг выбежала им навстречу.

Она заранее простирала руки, лицо ее сияло и казалось таким прекрасным, что сердце сжималось от странной боли: мнилось, любое дуновение ветерка, любая мелочь может лишь разрушить это совершенство. Хотелось, чтобы мгновение длилось вечно, — хотелось созерцать красоту до бесконечности...

— Я вернулся, Бронвэг, как и обещал, — торжественным тоном провзгласил Конан.

Он остановился в трех шагах от нее, расставив ноги и приняв горделивую позу. Карлик рядом с киммерийцем тоже застыл с важным видом.

Но на Бронвэг это все не произвело ни малейшего впечатления. Она не отрываясь смотрела на золотое яйцо.

Затем взяла его в руки и прижала к груди. — Что я могу сделать для вас? — спросила она спустя некоторое время.

Тульпис поклонился, а Конан просто сказал:

— Ты обещала одарить меня драгоценными камнями и золотом, если я выполню обещание, — так что принеси десяток-другой изумрудов покрупнее, и мы будем квиты.

Бронвэг повернулась и пошла к своему дворцу. Наряд из птичьих перьев волочился за нею по ступеням.

Тульпис гневно сказал Конану:

— Как ты мог разговаривать с нею подобным тоном — и о подобных низменных вещах? Какие изумруды? Какое золото? Такая красота не должна прикасаться к презренному металлу и к не менее презренным самоцветам. Она должна питаться ароматом божественных трав, она вкушает амброзию — и все ее мысли должны быть так же возвышенны. Ты

не имел права загрязнять их своей алчностью. Удивляюсь тебе, киммериец! И ты еще говорил, — правда, ты был тогда исключительно пьян, — что намерен сделаться королем! Да какой из тебя король, если ты не умеешь разговаривать со знатными дамами!

— Я прекрасно умею разговаривать с дамами, будь они хоть знатными, хоть незнатными, — возразил Конан. — И все они оставались довольны.

Тульпис лишь покачал головой.

— Неотесанный варвар, и ничего более. Разговаривать с тобой — попусту терять время.

В этот момент рядом что-то прошуршало. Карлик наклонился и увидел маленькую изумрудную змейку с женским торсом и головкой. Змейка была совсем крошечная, длиной в руку. Ее лицо, бледное, с раскосыми зелеными глазами, обрамляли золотые волосы, и такие же золотые полоски обвивали гибкое тело с зеленою чешуей.

— Нага! — воскликнул Тульпис.

— Карлик, — удивленно проговорила нага.

Она обвилась вокруг ноги Тульписа, поднялась повыше, и теперь ее лицо раскачивалось на уровне глаз карлика. Крохотные торчащие грудки утыкались в бороду Тульписа.

Харчевник едва не потерял сознание, когда осознал последнее обстоятельство. Он закатил глаза и несколько раз громко лязгнул зубами.

— Насколько я помню, карлики всегда враждовали с нагами, — заговорил Конан.

Тульпис зашипел на него, и нага, повернувшись в сторону киммерийца, оскалила рот, полный острых зубов, и также испустила тихое шипение.

— Мы не враждаем, — кратко пояснил Тульпис.

Нага осторожно прикоснулась губами к щеке

Тульписа, а затем соскользнула обратно на землю и прошептала:

— Приходи, когда захочешь, — я буду ждать...

И исчезла в траве.

Бронвэг появилась почти сразу же после этого. Конан подозревал, что нага потому и скрылась — женщина-змейка почувствовала приближение хозяйки.

Наверняка Бронвэг не слишком радуется, видя, как ее придворные наги заводят романы с гостями мужского пола. Впрочем, теперь все переменится: отныне Бронвэг будет занята новым Фениксом, так что Тульписа ждут увлекательные дни в Проклятом саду.

Бронвэг несла плетеную корзину, в которой лежали, как фрукты,

сверкающие самоцветы: изумруды, рубины, сапфиры и несколько кусков хрустала. Было очевидно, что Бронвэг не понимает истинной стоимости камней в мире людей и оценивает их лишь с точки зрения красоты, потому что хрусталем, самым дешевым из всех, она явно гордилась.

— Смотрите, какой прозрачный, — сказала она, показывая на кусок камня. — А эти так и светятся. Мне нравятся.

— Надеюсь, мы тебя не слишком обедним, если заберем все это! — сказал Конан, быстро принимая корзину из рук хозяйки.

Она пожала плечами.

— Эти камни растут у меня в главном зале дворца, у внутреннего пруда, — пояснила она. — Там есть деревце, оно любит цветсти... А плоды у него сами видите какие.

— Очень красиво, — произнес карлик с самым серьезным видом. — Потрясающая красота! Только это ведь и ценно, не так ли?

— Ты понимаешь толк в жизни и ее удовольствиях, — одобрительно улыбнулась Бронвэг.

Она, впрочем, все время оглядывалась на дворец и явно беспокоилась. Конан понял это сразу.

— Мы не будем тебя больше задерживать, прекраснейшая, — сказал он. — Желаю тебе счастья с новым Фениксом, Бронвэг.

Он поцеловал ее в лоб, и она поспешила убежать. Все ее помыслы действительно были заняты золотым яйцом. И, будь Тульпис женщиной, которой вернули возлюбленного, он поступил бы точно так же.

* * *

Приятели очутились на улице. Сад сразу утратил всю свою прелест и вновь глядел из-за ограды жутким монстром, клубком агрессивных ветвей.

И хотя Аграпур был прекрасен, все же обоим, и Конану, и Тульпису, казалось, будто краски вокруг как-то потускнели: реальный мир был куда менее ярким и уж совершенно точно куда менее волшебным.

— Я влюблена, — произнес Тульпис, глядя вдаль. — Увиденное потрясло меня. Отныне я предаю проклятию самую идею наживы. Я поклоняюсь только красоте... Покажи-ка мне те чудесные камни, которыми наделила нас Бронвэг! Я хочу напитать мое зрение их красотой.

Конан бросил взгляд на корзинку, прикусил губу и протянул ее своему спутнику. Тот сунулся посмотреть — и тотчас шарахнулся в сторону.

— А где самоцветы? — завопил карлик.

В корзине лежала гора гнилых фруктов. Никаких драгоценных камней там не было.

— Вор! — заорал Тульпис на Конана и затопал ногами. Он в ярости подпрыгивал на месте. — Ты украл все самоцветы! Немедленно снимай куртку и показывай, где ты их спрятал! Я знаю — ты сделал это, пока я, погруженный в мечты о наге, перебирался через ограду. Ты — ловкий воришко, Конан, и я доберусь до тебя! Не думай, что, раз ты такой верзила, я не найду на тебя управы! Нет уж, мой господин, сидеть тебе в тюрьме за кражи и убийство!

— Кажется, ты только что откровенничал, что отныне предаешь проклятию любую наживу и все презренные думы об обогащении, — напомнил Конан. — И вот, стоило тебе увидеть, что руины с изумрудами исчезли, как ты впадаешь в бешенство. Где логика, Тульпис? Где справедливость? Разве можно тебе верить? Пожалуй, стоит рассказать малютке наге об этом.

— Она и сама непостоянна, змея, — сказал Тульпис. И накинулся на Конана с кулаками: — Где ты их прячешь? Отвечай!

Конан вздохнул. Он только теперь понял, что драгоценных камней не существует, — во всяком случае, их не существует по эту сторону ограды. И вся надежда заработать в Аграпуре обернулась прахом... как это случалось с киммерийцем уже не раз.

— Я не брал наших камней, — сказал Конан. — Смотри.

Он вынул из корзины гнилое яблоко и бросил его через ограду. И едва негодный плод пересек невидимую линию, отделяющую Проклятый сад от улиц Аграпура, как в воздухе сверкнул самоцвет. А затем сгинул — навсегда.

Тульпис повесил голову.

— Теперь понятно, почему Бронвэг не выходит в город, — пробормотал он. — Неизвестно еще, какой она предстала бы нам, будь она здесь, а не там...

— Неизвестно, кстати, какими она видит нас с тобой, когда мы забираемся туда, — заметил Конан.

Карлик схватился за голову.

— Везде иллюзии! Идем, Конан, выпьем. Я угощаю. Все равно ты меня почти разорил... И вообще, в Аграпуре мне делать больше нечего.

— Я так не думаю, — остановил его Конан. — Сейчас большой спрос на комнаты, ведь многие остались на улице. Бери плату чуть пониже, чем остальные, и от клиентов у тебя отбоя не будет. К тому же ты обещал маленькой наге свидание. Может быть, она и была иллюзией, но очень уж

красивой...

Карлик повздыхал немного, а затем, свесив голову, поплелся обратно — к харчевне.

* * *

Отчаявшись найти зеркало, Саламар налил в чашу воды, подождал, пока поверхность ее станет гладкой и наклонился, рассматривая свое лицо. Сперва ему показалось, что никаких перемен в его внешности не произошло, но затем он тихо ахнул: нет, одна перемена, и притом весьма существенная, случилась.

Все его лицо было покрыто мелкими кхитайскими письменами, в точности повторяющими надпись, сделанную на костяной палочке — магическом предмете, который служит для перемены участи смертного человека.

Саламар так и не изверг из себя свой артефакт. Он сам в него превратился.

Осознавая это обстоятельство, он изрядно напился, так что возвращение Конана с Тульписом прошло для гирканца незамеченным: Саламар попросту крепко спал.

Наутро Конан собирался покинуть Аграпур. Все дела здесь были закончены, а стража наверняка не простит киммерийцу дерзкого побега и будет искать способа отомстить. Следует провести время где-нибудь еще, пока здесь все уляжется.

А там, кто знает, быть может, Конан и вернется. Судьба переменчива, и Саламар — яркое тому доказательство.

Раздавленный случившимся, гирканец следил из угла за тем, как Конан собирается в дорогу. Карлик принес ему немного лепешек и солонины, налил во флягу сильно разбавленного вина.

— Ас этим мне что делать? — спросил Конана Тульпис и кивнул в сторону Саламара. — На что мне это расписное чудище?

— Не знаю, — Конан пожал плечами. — Поставь его в угол, пусть служит для украшения. Или для устрашения пьяных клиентов. Как начнет кто-нибудь буйнить...

— Если он действительно превратился в магический предмет, — сказал карлик, — то держать его в доме попросту опасно.

— Я не предмет, — подал голос Саламар, — я ведь еще человек.

— Это требуется доказать, — возразил Тульпис.

— Что же мне делать? — завопил несчастный Саламар.

— Можешь пойти и утопиться, — проворчал карлик.

— Я возьму его с собой, — решил Конан.

— Подумай десять раз, киммериец, — предостерег его карлик. — Я бы на твоем месте десять раз подумал. Или одиннадцать.

— Да я уже подумал... Саламар в том виде, в каком он существует сейчас, представляет собой великолепное оружие, — произнес Конан с важным видом. — И я намерен использовать его.

— Как?

— Положим, живет какой-нибудь гнусный богатей, — начал Конан. — А мы к нему запускаем Саламара... и спустя месяц, самое большое, наш богатей идет ко дну. Ну как, здорово придумано?

— Здорово, — кисло улыбнулся Саламар. — А ты не боишься, Конан, что подобные неприятности начнутся у тебя?

— Во-первых, они у меня не прекращаются, — сказал Конан, — так что перемены в моей судьбе могут произойти только к лучшему. А во-вторых, Саламар, учти: я сам — одна большая сплошная неприятность.

OCR.: Серiус

WWW.CIMMERIA.RU